

Евгений Крушельницкий

**Город мастеров.
Беседы по существу**

«Издательские решения»

Крушельницкий Е.

Город мастеров. Беседы по существу / Е. Крушельницкий —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-966965-0

Героев этих интервью объединяет то, что каждый из них стал в своём деле заметной величиной, а таким людям обычно есть что сказать. Ведь разговор по существу — это разговор о главном деле жизни, плоды которого небезразличны и нам, читателям. Тем более что настоящий мастер старается идти своим путём, а за свободомыслие часто приходится расплачиваться, встречая непонимание окружающих, а то и сопротивление. Таковы судьбы тех, кто не плывёт по течению, а имеет свои представления о должном.

ISBN 978-5-44-966965-0

© Крушельницкий Е.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Расширяйте территорию добра	7
Ян Махульский: Расширяйте территорию добра	7
Кшиштоф Занусси: Нам есть чему учиться друг у друга	11
Элий Белютин: Искусство – это восстание	15
Она умела видеть невидимое	19
Галина Хомчик: Пою для тех, кому это нужно	23
Марыля Родович: Не надо тратить время на враньё	27
Бизнес с добрым лицом крокодила	32
Юрий Горный: Не бойтесь совершенства, оно вам не грозит	35
Нужна школа свободных людей	40
Евгений Ямбург: Нужна школа свободных людей	40
Как нам образовать образование	44
Педагогика для всех	48
По каким законам живёт школа?	51
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Город мастеров Беседы по существу Евгений Крушельницкий

© Евгений Крушельницкий, 2020

ISBN 978-5-4496-6965-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Говорят, газета живёт один день, особенно ежедневная. И это правда, с бумагой так чаще всего и случается. А вот судьба напечатанных материалов складывается по-разному. Некоторые, написанные ещё в докомпьютерные времена, потом вдруг обнаруживаются в интернете. Здесь собраны такие «долгожители», опубликованные в разные годы и в разных газетах и журналах.

Героев интервью объединяет то, что каждый из них стал в своём деле заметной величиной, а таким людям обычно есть что сказать. Ведь разговор по существу – это разговор о главном деле жизни, плоды которого небезразличны и нам, читателям. Тем более что настоящий мастер старается идти своим путём, а за свободомыслие часто приходится расплачиваться, встречая непонимание окружающих, а то и сопротивление. Таковы судьбы тех, кто не плывёт по течению, а имеет свои представления о должном.

Свои трудности есть у всех – и у тех, кто предлагает учить язык быстро и эффективно, и у тех, кто нашел способ создавать новую технику и при этом меньше ошибаться. Находятся враги у тех, кто предлагает воспитывать детей так, чтобы в армию приходили защитники, а не убийцы. И у тех, кто видит в наших домашних питомцах не живые вещи, а живые души, способные на такую любовь и преданность, что иным хозяевам не грех поучиться. Или человек предлагает нам полнее открыть свои удивительные возможности – но напрасно, многим вполне хватает того, что есть.

Почему так происходит? Бывает, что слово сказано задолго до того, как его готовы выслушать. Нечто подобное произошло с материалами о том, как мы называем своих детей, о наших родовых корнях. Написано это было еще в советские времена, когда интересы читателей были довольно далеки от таких материй, и редакторы ждали от журналистов совсем других произведений. Ничего, потом на эти темы наступила настоящая мода. Некоторым не пришло время и сейчас – о разуме животных, о живой земле. Зато к родному языку и к тому, как мы говорим, интерес постоянный.

Счастлив тот, кому удаётся не только сказать своё слово, но и быть услышанным. И чьи идеи начнут самостоятельную жизнь и найдут продолжателей. Случается и такое, потому что добрые дела и точные мысли, в отличие от газеты, не стареют. Но часто просто забываются, захлестнутые потоком новой информации. Поэтому хочется хоть на время сохранить живые голоса мастеров.

Известно, с каким трудом новое пробивает дорогу. И вовсе не потому, что противников удаётся в чём-то переубедить. Ситуацию объяснил ещё Макс Планк: «Старые идеи уступают новым таким образом, что носители старого умирают, а новое поколение воспитывается в новых идеях, воспринимая их как нечто само собой разумеющееся». И тогда нам кажется, что недавних авторитетов поправляет сама жизнь, – как, например, незадачливых архитекторов, набивших руку на возведении унылых коробок. Мы уже видим, как на смену гигантским «человеяникам» приходят коттеджи, приспособленные к человеку и его природе. Причём даже в крупных городах, только вот далеко к западу от Москвы. Но всё это – ценой упущенного времени и набитых шишек.

Нередко вспоминают пушкинские строки: «Наука сокращает нам опыты быстротекущей жизни...» К сожалению, обычно эти «опыты» получаем привычным способом, пробуя и ошибаясь. Ну, а старые газеты порой помогают появиться новым мыслям: ведь то, о чём говорилось в будущем времени, успело стать настоящим.

А насчёт мотыльковой газетной жизни точнее сказать так: газета живёт до тех пор, пока её читают.

Расширяйте территорию добра

Ян Махульский: Расширяйте территорию добра

Известному польскому актеру и режиссеру Яну Махульскому на днях исполнилось 75. Он сыграл десятки ролей в кино, но узнавать его стали после фильма «Ва-банк», который снял его сын Юлиуш.

«Надо было смотреть» – любимая поговорка главного героя фильма Квинто, взломщика-виртуоза. А заодно и творческий принцип самого пана Махульского, который уверен, что настоящий актёр должен показать то, что без него никто бы не увидел. Впрочем, тому, кто идёт своей дорогой, порой помогают высшие силы. Иначе не было бы в Польше сегодня такого актёра.

– Знаете, я всегда говорю своим студентам: кто не знает, куда плывет, никогда не доберется до цели, – рассказывает пан Махульский. – Поэтому путешествие нужно начинать с конца – знать, к чему ты стремишься. Я ещё в школе знал, что хочу стать актером, хочу создать свой театр. Заканчивая гимназию, собрался поступать в Высшую актерскую школу. Это был 1950 год. Но тут к нам на занятия зачастили какие-то агитаторы. Они предупреждали, чтобы мы на учебу в вузе не рассчитывали, потому что сначала придется отслужить в армии. Единственный выход – пойти в политехнический институт, где дают военную специальность. Я так и сделал. У меня отец каменщик, мать ткачиха, и в приёмной комиссии про меня сразу решили, что это «наш человек». Всё испортил некий представитель УБ (это вроде вашего КГБ), который сказал, что мой дед в своё время был комиссаром полиции. И я сразу стал «не наш». Меня не приняли, и тогда я сдал экзамены в актёрскую школу. Но в армию не попал, потому что студентов не брали. Это нас нарочно обманывали. Потом мне тоже везло: первый фильм, в котором я снялся, получил Гран-при на кинофестивале в Венеции.

– Вы сыграли в «Ва-банке» главную роль. А какую роль сыграл в вашей жизни этот фильм?

– Тоже очень заметную. Во всяком случае меня стали узнавать незнакомые люди, и дети, и взрослые. Именно тогда я почувствовал, что значит известность. Как ни странно, но нередко это осознаёшь в ситуациях, далеких от кинематографа. С «Ва-банком» я объездил всю Россию и, помню, однажды в Москве спешил на какую-то встречу. Опаздывал и попросил шофера: давайте, мол, поедем по этой улице. Там проезда не было, но мы решили рискнуть. Тут-то нас милиционер и остановил. Водитель струхнул, а милиционер ко мне приглядывается: подождите, подождите... Вы актер, да? «Ва-банк»? Пожалуйста, автограф!

Тот таксист смотрел на меня, как на Бога. Пожалуй, это и был мой самый большой успех.

– Что стало основой сюжета?

– Он выдуман от начала до конца. Сценарий написал мой сын Юлек, когда учился на третьем курсе в Институте кинематографии. Мы в то лето поехали в Болгарию, на море, там и родилась идея. А когда сын окончил институт и пришла пора снять первый экранный фильм, то вспомнили про сценарий.

– Был ли у вашего героя реальный прототип? Этаким медвежатник-интеллигент, каким вы его изобразили.

– Знаменитые воры в Польше, конечно, были. Например, некий выдающийся карманник по кличке Шпицбрудка (Эспаньолка). Но тот специализировался по театрам и балетам, куда ходила состоятельная публика. Так что наш Квинто – фигура во всех смыслах оригинальная.

– А на трубе он играет потому, что вы это умеете? Или пришлось научиться?

– Ни то ни другое. Когда-то я играл в ансамбле на ударных, играл на аккордеоне, деньги зарабатывал. А вот на трубе не умею. Чтобы научиться извлекать из неё красивые звуки, надо потратить много времени.

– Кто вы по зодиаку?

– Рак. То, что астрологи пишут про этот знак – это про меня. Да, я впечатлительный, меня легко обидеть. А если что-то наскучивает, то я отступаю назад и делаю уже иначе. Причем я никогда не делал того, чего не хотел. Но в то же время я последовательный, всё заранее планирую и стараюсь довести дело до конца. Ещё в школе я хотел создать свой театр. Долго это оставалось мечтой, не было ни помещения, ни актеров. Но всё-таки 25 лет назад в Варшаве появился Театр Охоты (Охота – это название одного из районов столицы).

– Ваш театр чем-то отличается от двух десятков других, которые уже были до него?

– Я всегда мечтал о необычном театре – таком, где нет разделения на зрителей и актеров. Где у входа я встречал бы гостей, пришедших на спектакль. Где актеры ставят нравственные проблемы, а после спектакля мы все вместе обсуждаем увиденное. Спорим о том, правильно ли поступили герои, не лучше ли было сделать иначе – ведь в жизни всегда есть выбор. И всё это сбылось. Обсуждение идёт порой дольше, чем сам спектакль. А для детей устраиваем костёр.

Я в этом театре уже не работаю, но он продолжает жить.

– Проблемы, проблемы... Один американский режиссер высказался так: мол, когда я снимаю фильм, то просто рассказываю интересную историю. А русские обязательно ставят проблему. В этом смысле вы ближе к русским?

– Если говорить о кино, то это, конечно, зачастую развлечение. Но при этом оно должно показывать людям их проблемы и помогать жить. Помогать хотя бы красивой сказкой. Помните фильм «Цирк» с Орловой? Это же выдумка, в жизни ничего подобного не было, но после фильма человеку становилось радостнее, а это тоже важно. Или, скажем, фильм «Утомленные солнцем» Никиты Михалкова, он у нас шёл. Да, я читал солженицынский «Архипелаг ГУЛАГ», знаю о многих миллионах погибших. Но миллионы – это огромный масштаб, я не могу его охватить. А в фильме всё увидел на примере одного человека и пережил вместе с ним.

У вас много хороших фильмов, хороших актеров. Я не раз бывал в России, дружил с Евгением Урбанским, встречался с Михаилом Козаковым, бывал на Таганке у Юрия Любимова. Вот только сыграть вместе ни с кем не пришлось. Зато я организовал в Лодзи ежегодный театральный фестиваль, и каждый год туда приезжают актеры со всего мира. Из России тоже.

– Многовековые отношения Польши и России были, мягко говоря, непросты. Только в прошлом веке воевали дважды. И я поначалу был удивлён, когда не почувствовал здесь враждебности к русским.

– Да, на эту тему можно многое вспомнить – как вывозили семьи с насиженных мест, а то и уничтожали, особенно в восточной части – Львове, Вильно. Мой дед тоже погиб где-то на Востоке – возможно, в Катюни. Конечно, народ несёт ответственность за своих правителей, но всё же в первую очередь виноват сталинизм, виновата Европа, которая это позволила. Правда, Европа многого не знала, а Россия была парализована страхом, переходящим в большую любовь. То, что сегодня называют стокгольмским синдромом.

– Это уже в прошлом, а как в нашем веке уберечься от чего-нибудь подобного?

– Всё начинается в семье. Самое опасное в том, что дом, родители перестали влиять на ребенка. Порой отец говорит: мол, у меня нет времени, и я не знаю, чем занят ребенок. Так не должно быть. Мы забыли, что плывём на «Титанике» и если устранимся от управления, то утонем. Давайте делать на своей маленькой площадке то, что можем. Причем делать хорошо. А современный театр должен взять на себя больше ответственности за духовную, нравственную сторону жизни молодежи. Дома этим заниматься некому – отец зарабатывает деньги. На школу и костел тоже надежды мало. Кто будет помогать?

Искусство. Мне, например, приятно, когда после спектакля сидим у костра, беседуем со зрителями, и чей-то отец говорит: мол, дочка запомнила ваши слова о том, что жизнь надо начинать с конца, и она теперь иначе стала смотреть на вещи.

– Вам не кажется, что искусство в этом смысле сдает позиции? На каждом шагу мюзиклы, культ развлечений, американские стандарты. Да и в язык проникают заморские слова, без которых вполне можно обойтись. Что станет с польской культурой, с поляками, если дела так пойдут и дальше?

– Думаю, что ничего страшного не случится. Каким быть – это зависит от человека. Мы несколько раз ездили в США, успешно выступали. Но и там люди разные. Некоторые, например, говорят, что их сердце – в чулке с деньгами... Да, культуры влияют друг на друга, и это невозможно остановить. Мы полвека жили и говорили по-русски, причем давление со стороны СССР было куда сильнее, чем теперь со стороны США. Более того, 250 лет Польши вообще не было на карте мира, и нам запрещали учить детей на родном языке. И ничего, мы всё равно остались поляками. Да и интеллигенция всегда была, есть и будет. Поэтому с этой стороны я ничего не боюсь. Куда важнее, чтобы у нас было нормальное правительство, без воров и взяточников.

– В России не всех устраивают перемены – эта бедность, теракты... Особенно пожилые люди недовольны.

– Знаю, но теперь такой век. В Польше тоже были реформы, только шли как-то мягче. И перемены нравятся не всем, но постепенно привыкли. А что, нравилось, как раньше жили?

– Многим – да.

– Это так говорят, потому что были моложе. Мы не можем остановить время, мы можем только расширять территорию добра, это зависит от нас. Одни голодают, а другие на свадьбу сотни тысяч долларов тратят. Если бы часть денег, которые идут на разные надуманные приемы, сверхдорогие автомобили, потратить на ликвидацию нищеты, то, может, и террористов бы поубавилось. Времена сейчас, конечно, не самые лучшие. Купи пистолет – и можешь делать, что хочешь...

– А вы против свободной продажи оружия?

– Мы ещё не дозрели до этого. Сосед поссорился с соседом из-за пустяка и кричит: я тебя убью! А если оружие под рукой? Нет, мы ещё слишком примитивны. В Швейцарии, например, у всех есть оружие, но зато нет армии. И войн нет. А у нас слишком свежа память о войнах, слишком много ещё ненависти в душах.

– Какие события в вашей жизни вы считаете самыми важными?

– Ну, много всякого было... Впрочем, скажу так: первое – познакомился с женой Халиной. Мы с ней вместе уже полвека. Второе – родился сын. Я рад, что есть Юлек, он прекрасный режиссёр – кроме «Ва-банка» снял такие известные фильмы, как «Сексмиссия», «Кингсайз», «Киллер». Мы с ним часто встречаемся, беседуем, и он порой помогает найти верное решение. Третье – создал свой театр.

– Сына не увлекла отцовская профессия?

– Нет, он ещё в детстве решил, что будет именно режиссёром. В 11 лет вместе с друзьями организовал в Лодзи кино клуб и свою газету. Написал письмо американским актёрам Полу Ньюмену и Ли Мэрвину с просьбой стать почетными членами клуба. Оба согласились и прислали свои фото. Кстати, это очень облегчает жизнь – знать, чего хочешь. Неудачи с химией или математикой? Неважно, зато в истории Польши познания отличные, это потом пригодится. И меньше становится ненужных проблем, стрессов.

– Не хотели вы пожить, как ваш герой Квинто, отошедший от дел, – дом, семья, гамак в саду?

– Семья для меня, как и положено по моему гороскопу, очень важна и дорога, но домашняя жизнь не для меня. Если я перестану работать, то перестану жить. К тому же у меня

есть своя актерская школа. Как я смогу учить студентов, если не буду постоянно учиться сам? Со времени моей молодости изменилось не только кино, но и мышление людей. Мне нельзя стареть. И сейчас, в свои 75, я ещё могу станцевать со студентками, могу по лестнице пробежаться, потому что у меня есть цель, есть дело.

– Какая цель?

– Хочу поднять свою школу на самый высокий уровень, чтобы каждый, кто решил стать актером, стремился бы здесь учиться. Чтобы в этой современной школе изучали всё новое, что происходит в кино. Я рад, что уже воспитал таких актеров, которые могут больше меня. И ещё хотел бы немного пожить, чтобы сняться в хорошем фильме.

– А какую роль вы бы сыграли?

– Я написал несколько сценариев. Если достанем денег (это сейчас большая проблема), то, может, сыграю комиссара полиции в фильме «Город без полиции». Действие происходит в городе, которым правят гангстеры.

– Похоже, тема подсказана самой жизнью... Скажите, а чего вы ждете от нынешнего века, чего опасаетесь?

– Чего жду? Чтобы люди больше любили друг друга. Моя мама говорила: люби людей, потому что эта любовь потом вернется к тебе. И не надо завидовать друг другу, причем совершенно понапрасну – скажем, портному из Кракова не дает покоя мясник из Варшавы – надо же, какой он себе дом построил! А о деле своём не думает. О том, что прежде чем идти на работу, надо обувь почистить. О том, что нельзя по полгода ждать ответа от чиновника. В стране много безработных, однако при этом кто-то готов на любую работу, а кто-то сидит, дремлет: мол, если зарплата меньше такой-то суммы, то не будите меня... Впрочем, когда войдем в Европейский союз, то, думаю, это нас мобилизует. А то мы как-то скундлились.

– Что это значит?

– Ну, знаете, бывают породистые собаки, а бывают, которые бегают везде, ищут, чего бы съесть.

– По-русски – дворняжки.

– Вот-вот. Что-то у нас есть с ними общее. С прежними привычками надо расставаться. Деньги, деньги, только деньги. Вот что действительно может повредить.

– Вам хотелось бы вернуть прошлое?

– Нет-нет! Капитализм несёт беды, безработицу, но так создан мир. Бог строил его только шесть дней, потом пошёл отдыхать. Что-то не вышло, правда?

Кшиштоф Занусси: Нам есть чему учиться друг у друга

Кшиштоф Занусси – один из наиболее известных польских режиссёров, лауреат многих международных кинофестивалей. Его фильм «Жизнь как смертельная болезнь, передающаяся половым путём», был удостоен Гран-при XXII Московского международного кинофестиваля. Недавно он приезжал в Москву, где проводил ставшие уже традиционными мастер-классы на Высших курсах режиссёров и сценаристов.

– Пан Кшиштоф, вы в Варшаве изучали физику, в Кракове – философию, а в Лодзи окончили режиссерский факультет. Как это получилось?

– Причём в детстве мечтал быть врачом... Режиссёром решил стать почти полвека назад, и уже трудно вспомнить, как это было. Главное – я тогда понял, что для меня самое интересное не материя, а человек, ведь жизнь полна тайн. К тому же в хрущевскую оттепель появилась возможность работать в гуманитарной области, которая прежде была очень заидеологизирована.

Правда, родня отнеслась к моему выбору прохладно, отец был недоволен. Но это нормально для человека, который всю жизнь что-то строит из цемента и бетона и потому считает, что целлулоид – материал несерьёзный.

– Почему вас влечёт заниматься с российской молодежью?

– Здесь, на Высших режиссерских курсах, я встречаю много интересных людей с необычными биографиями, к которым отношусь с большой симпатией, и очень хочу для них что-то сделать. Будут они великими или нет – зависит не от меня и даже не от них, а от многих обстоятельств. Но я получаю удовольствие от общения с ними.

С молодёжью встречаюсь довольно часто и делаю это уже много лет – и со студентами МГИМО, и ВГИКа, где мне присвоили звание доктора honoris causa. Это трудно, утомительно, но и очень радостно. Ведь молодёжь – единственное, что останется после нас.

– В фильме «Жизнь как смертельная болезнь...» речь идёт о переживаниях человека, узнавшего, что у него неизлечимая болезнь. Есть там и размышления о смысле жизни. В чём он для вас?

– Если бы я мог это выразить в одном предложении, то все бы пересылали его SMS. Тут нет простых рецептов, каждый должен найти свой смысл жизни в выбранном деле. Я нашёл его в искусстве, в семье, в общественной деятельности, педагогической... Всё это и сложилось в смысл моей жизни. Многое не удалось – наверное, потому что слишком много хотел. Но я продолжаю хотеть и постоянно пробую.

– Что именно?

– Наступает время, когда хочется сделать то, чего ещё не делал, посетить места, где не был, встретить людей, которых не встречал. И снять свой лучший фильм. А в конце концов умереть молодым в пожилом возрасте.

– Вы верите в жизнь после смерти?

– Да, верю и надеюсь, что это так и есть. Но неопровержимых доказательств на этот счёт у меня нет.

– Ваш фильм «Персона нон грата» охватывает треугольник Италия – Польша – Россия. Он не случаен?

– По моей фамилии ясно, что у меня итальянские корни, хотя несколько поколений моего рода жили в Польше. Меня часто спрашивают, не связан ли я с холодильниками, которые рекламируют по телевидению: «Серьезная бытовая техника существует. Доказано Занусси». Связь есть, но далёкая, по итальянской линии. А Россия интересует потому, что это совсем другая для меня страна. Может, поэтому её и люблю: здесь иные темперамент, способ переживаний...

Мне близок Томас Манн, но восхищает Достоевский, потому что он совершенно непохож на нас.

– И даже не любил поляков.

– Это его путь, и это я ему прощаю легче всего.

– Анджей Вайда снимает фильм о Катюни. Ваши близкие там не пострадали?

– Из дальних родственников по маминой линии погибли двое. Это большая тема, и порой слышу: немцы покаяться, а русские нет... Но я хочу быть честным и потому должен говорить прежде всего о покаянии поляков. Мы тоже делали в истории разные недостойные вещи и должны это признать: не всегда были порядочны по отношению к евреям, враждовали с Россией, не помогли стать независимыми украинцам... Нет абсолютно безгрешных наций, однако зрелость народа заключается в умении признать свои ошибки. Я бы очень хотел, чтобы Россия тоже признала некоторые вещи, которые противоречат общечеловеческим идеалам – например, что принесла немало несчастий разным странам своей экспансией. Но давать этому оценку – самим россиянам, я же отвечаю только за то, чтобы поляки покаяться, чтобы я покался.

– Как вы относитесь к рассуждениям о славянском братстве?

– Я не славянин, а само это слово в Польше звучит скорее как ругательство. Напился человек до безобразия – о нём презрительно говорят: что поделаешь, славянская душа... Да и вообще это понятие – анахронизм, в наше время понятие расы звучит несерьезно. Человек считает, что он славянин, и при этом не подозревает, что у него в роду могут быть татары, немцы, викинги... Не стоит думать об этническом рисунке наших генов.

– Вернемся к нашей непохожести. Польский и русский менталитет: что тут общего, в чём различия?

– У нас много общего в темпераменте, и это мне нравится. Но разница в том, что связано с разными религиозными традициями, которые проявляются, например, в отношениях гражданина с властью, государством. И всё же я с большим интересом присматриваюсь к православию, которое умеет сохранять такие понятия, как таинство, святость, и тут у него можно позаимствовать много хорошего. Есть свои достижения и у Запада, способного лучше приспособить христианство к повседневной жизни. Думаю, что прав был Иоанн Павел II, который сказал, что Европа дышит двумя легкими, дополняющими друг друга. Чем лучше христиане – и православные, и католики, и протестанты – узнают друг друга, тем лучше будут поняты евангельские ценности.

– Николай Бердяев, сравнивая польскую и русскую душу, писал, что если русская распластывается перед Богом, то польская – тянется вверх.

– Это касается не только поляков и русских, но и вообще традиций Византии и Рима. Поэтому думаю, что нам ещё есть чему учиться друг у друга – и преклонению, и стремлению к идеалу. Одно не исключает другого, а дополняет.

– А если говорить о наших общих проблемах, то какие бы вы назвали?

– Самое сложное – выбить из головы советское мышление, так называемый совок. Это позиция, очень живучая в обществе: человек чувствует себя вечным ребёнком, обижается на злого папу и не принимает ответственности за свою судьбу. И живет по принципу: раз упало – пусть лежит, мне-то что, я ни за что не отвечаю. Принцип детский, потому что ответственность – мера зрелости человека, его достоинства. Коммунизм тем и привлекал людей, что обещал им вечное детство. Все были детьми, только вождь – отцом.

И ещё эта подозрительность, характерная для тех, кто жил в условиях несвободы. Это стало сюжетом драматической истории, случившейся во время Второй мировой войны, о чём я рассказал в одном из фильмов. Жизнь партизана-подпольщика оставила тяжёлый след в душе человека: у него нет веры в людей, он не может смотреть в глаза прямо и открыто, как делают, например, американцы. Я им часто завидую, потому что не могу так: ведь я жил в окружении

стукачей, которые всегда могли меня продать, поэтому тоже стал недоверчивым. Мне жаль, но тут уж ничего не изменить, в этом я убедился. Это есть и в Польше, есть и в России.

– Вы были в оппозиции к власти. Что это значит для художника?

– Моя оппозиционность носила этический характер, а не политический. Противостояние вызывали изъяны коммунистической системы – ложь, насилие, попрание человеческих прав. Я и сегодня могу сказать, что не восхищаюсь партией, которая у власти в моей стране, моими министрами... Но народ их выбрал, и нужно спокойно дожидаться следующего правительства, которое, возможно, будет лучше предыдущего.

– Однажды вы сказали, что для режиссера важно различать добро и зло. Что, и тут есть проблемы?

– Я это сказал против тех постмодернистов, которые говорят, что, мол, правда неотличима от лжи, добро и зло неразделимы... Эти преходящие теориейки, которые то и дело появляются в мире, создают ощущение относительности, нигилизма. Но этические категории не изменились со времен Аристотеля, полагавшего, что правда – это достоинство вещи. Вечные ценности не требуют новых определений.

Режиссер должен иметь четкую позицию. Самая главная проблема европейского кино в последние годы – мировоззренческая. Авторы мечутся из стороны в сторону, меняют точку зрения в течение одной картины. То же происходит сегодня и в человеческих душах. Люди или растут, или мельчают, духовно и экономически, становясь глупее и подлее. А искусство призвано помогать им развиваться. Развитие человека – одно из прекраснейших чудес на свете.

– Как вы думаете, в чём секрет популярности американского кино? Может, потому, что там на первом месте развлечения, а не проблемы?

– Во всём мире серьёзное кино – и о проблемах тоже, в том числе в США. Правда, там больше ищут развлечений. А секрет популярности их фильмов – в той мифологии, которую называют американской мечтой. Там есть огромная вера, что они знают ответы на все вопросы, и эта сила действует на людей. И, конечно, хорошо организованы киноиндустрия, прокат.

– Десятилетиями нам навязывали ленинский взгляд на интеллигенцию, о которой он, как известно, отзывался невысоко. Как вам видится её роль в обществе?

– Ленин во многом ошибался, в этом тоже. Он плохо кончил, а вот интеллигенция не так уж плоха. Она всегда в меньшинстве, но именно она, а не пресловутые массы – авангард общества. Английский историк Тойнби сказал, что всегда, когда массы пробуют подражать элите, общество развивается, а когда элита следует за массой – общество разваливается. Не какие-то процессы, не экономика, а только люди, личности творят историю. Кто внимательно читал Толстого, тот это знает.

Есть известная кривая Гаусса, основанная на статистических расчетах. Если приложить её к шкале ценностей, то лучшее всегда в меньшинстве, а большинство – среднее, оно всегда неправое, это статистический вывод. Демократия основана на том, что переговоры всегда идут с большинством, и это необходимо для общественного мира. Но я очень люблю лучшее.

– Отсюда следует, что, говоря вашими словами, «всегда надо идти против мира»?

– Но с уважением к этому миру! Нельзя быть Дон Кихотом, который со всеми в конфликте. Он не победил, а мне хочется, чтобы люди что-то изменили в мире. Поэтому нельзя соглашаться со своей судьбой, надо всегда стараться ее исправить. Равно как и не следует быть довольным собой сегодняшним, потому что человек должен хотеть уже утром стать лучше: ведь это другой день и, значит, другая мера для меня вчерашнего, молодого – и повзрослевшего. Да никто и не знает своей меры, поэтому всегда надо стремиться к чему-то более высокому.

– Но как быть с модой, которая не только уравнивает вкусы, но и, говоря словами поэта, терпит сумасбродства и не любит естества?

– Я предпочитаю быть от неё на некотором расстоянии. Из неё можно что-то взять, но немного, то, что мне идёт. Элегантное не может быть модным. Я даже не тороплюсь читать модные книги – жду, когда уляжется ажиотаж.

Мода – это род оппортунизма, спасение для людей слабых, не имеющих собственного вкуса. В нашем доме всегда считалось, что она хороша разве что для служанки. Достойный человек не должен следовать моде.

– Вы знаете, что такое бедность?

– Да, мы с детства недоедали. Меня это научило двум важным вещам: ответственности и пониманию, что необходимо делиться. Когда-то я голодал, а теперь имею возможность помочь другим избежать этой участи. Это очень радует.

Деньги могут быть злым господином и хорошим слугой. Конечно, чтобы их иметь, надо много зарабатывать. К счастью, я всегда любил что-то более серьёзное, чем заработок, и ничего для него самого в жизни не делаю. Помню, как ещё молодым режиссером я гордо отказывался снимать рекламные ролики. Но один знакомый меня озадачил: оказывается, сделав такой ролик, можно оплатить три операции, каждая из которых спасёт человеческую жизнь. Вот тут-то я и усомнился, стоит ли дальше быть таким гордым. И хоть рекламных картин по-прежнему не снимаю, но сегодня уже не буду отказываться от возможности быстро заработать деньги, которые кому-то помогут.

– Чем готовы поступиться ради дела?

– Чем поступиться? Могу жертвовать свои знания, терпение, силы. Принимаю на свою голову множество унижений, участвую в неинтересных мероприятиях, улыбаюсь неприятным людям. Но я хорошо знаю границу компромисса и не позволю себе несправедливости по отношению к другому человеку, претензий на какие-то особые права. Словом, жертвую не жизненными ценностями и принципами, а временем, удобствами, нервами – но только своими.

– Что бы вы пожелали нашим читателям?

– Чтобы старались жить лучше, чем живут, и имели как можно больше надежды. Причем важно, чтобы она была не в облаках, а на земле. Этой надежды нам очень не хватает.

Элий Белютин: Искусство – это восстание

Элий Михайлович – профессор живописи и графики, кандидат искусствоведения, лауреат всевозможных международных премий. Почётный польский орден «Виртути милитари», золотая медаль Венеции, его картины – в римском музее шедевров... Это именно на него и его товарищей сильно разгневался Хрущёв в 1962 году на той памятной выставке в Манеже. Зато на второй выставке, которая состоялась там же, спустя 29 лет, когда пришло новое поколение, в адрес художников объединения «Новая реальность» звучали уже не ругательства, а слова понимания и благодарности. А ещё биография художника примечательна тем, что в 16 лет, в 1941 году, он получил первый свой орден – Красной Звезды – «за личное мужество и отвагу в спасении товарищей».

– Элий Михайлович, а почему ваш отец, человек с распространённым русским именем, назвал вас так необычно?

– Во-первых, отца звали не Михаил, а Микеле, потому что он из итальянской семьи, поселившейся когда-то в Польше. И не Белютин, а Белуччи. Это уж потом фамилию переделали на русский лад. А моё имя – воспоминание о Кракове, где дед основал оперный театр. Элигий – это средневековый святой, епископ и просветитель, которого почитают в Польше. Ему принадлежат слова «не полагайся на надежду, полагайся на собственные силы, и они удвоятся».

Потом отец приехал в Россию делать революцию. Сделал, хотел вернуться на родину, а его расстреляли.

– Как вы встретили войну?

– В июне 41-го исполнил ось 16, получил паспорт, иду гордый по Пушкинской улице. Вдруг слышу выступление Молотова: «Сегодня, в 4 часа утра...» Решил, что надо что-то делать. Я учился в экстернате, последние три класса прошел за год, и школьные будни меня особо не касались. Поехал вместе со всеми под Смоленск рыть противотанковые рвы. Ехали дня четыре, через Калугу. Больше стояли, пропускали военные эшелоны. Наконец приехали, нас выгрузили в поле. Всё было организовано очень плохо, кормить ребят никто не собирался. Зато дали лопаты.

От местных жителей помощи не было никакой. Мы выглядели слишком ухоженными, и кусок хлеба, кружка воды доставались только в обмен на «обувку» и «одежку». Люди не могли простить «Москве» годы полуголодного существования, то, что забыли вкус сахара и работали до изнеможения без оплаты.

К счастью, вскоре привезли заключенных из тюрем, у них была своя кухня, и они делились баландой. Уголовники учили нас спать на земле, подложив под себя еловые ветки, «соображать» еду и договариваться с колхозниками об обмене.

Нам, городским мальчикам, установили норму – два кубометра в день. Представляете, что это такое? Ну, конечно, мозоли, грязь, заражение крови... Но повезло: в конце августа появился приказ вернуться в Москву и продолжать занятия. Да только учиться пришлось в Центральном доме пионеров, откуда через два месяца мы вышли младшими лейтенантами. И уже учили дедушек-ополченцев ползать по-пластунски и разбирать винтовку образца позапрошлого века.

Потом меня отправили на фронт, под Рузу, командовать этими ополченцами. Винтовка – одна на пятерых, в атаку шли с бутылками с горючей смесью, а немцы нас из автоматов поливают. Бутылки бьются, люди горят... Утром смотрю на поле, где лежат убитые, а они почти голые. Экипировка у нас была такая, что приходилось снимать одежду с трупов. Немцы нас скоро окружили. И опять повезло: я знал эти места, часто ездил сюда на этюды – с 13 лет учился у художника Аристарха Лентулова. В общем, из окружения удалось выйти, а заодно и раненого командира вытащить из-под огня. За это меня и представили к ордену.

Вскоре меня контузило, так что вручили орден уже в госпитале. Но контузило так, что на этом мои боевые дела закончились. Когда в 42-м хотели послать под Сталинград, то медкомиссия забраковала. Воевал я в общей сложности три месяца, поэтому рассказывать о своих фронтовых делах просто несерьёзно – ведь многие прошли этот путь от начала до конца.

– Какими вам запомнились фронтовые будни?

– Я понял, что война превращает человека даже не в животное – животные так себя не ведут, – а в чудовище. Это ужасно, она должна быть исключена из человеческого бытия.

Тогда, под Москвой, у меня появилось непреодолимое желание рисовать. Нашёл в одной из брошенных изб чернильницу, у двери сельпо – кусок обёрточной бумаги, а кистью стала щетка. Получилась серия рисунков. В 1957-м их опубликовали в Польше, отметили почётным дипломом. У нас они увидели свет лишь в новом веке.

– Когда вы решили стать художником?

– Вообще-то я мечтал стать музыкантом, композитором, учился в музыкальной школе, поклонялся Стравинскому. Но после контузии левая рука не действовала, и я пошел в художественно-педагогический институт. К нам приходили рисовать такие маститые художники, как Кончаловский, Кузнецов... Дело в том, что у нас в помещениях топили, и натурщица могла раздеваться и позировать.

– Ваши картины были на выставке в Манеже почти полвека назад. Что там случилось?

– В 1962 году тогдашний глава страны Хрущев посетил выставку 30-летия МОСХА, где среди прочих были представлены и две сотни работ наших художников из объединения «Новая реальность». Хрущёв в искусстве разбирался слабо, партийная челядь решила этим воспользоваться для идеологического погрома. Например, попалась ему на глаза картина «Спасские ворота». Вождь расшумелся: «Это издевательство! Где тут зубцы на стенах? Почему их не видно?»

Мои объяснения не помогли, и я услышал: «Вот что, Белютин, я вам говорю как председатель Совета Министров, что это не нужно советскому народу. Понимаете, это я вам говорю!»

Началась травля. Из института, где я преподавал, выгнали.

В 1991 году, на нашей второй выставке в том же Манеже, мы беседовали с одним известным партийным деятелем. Он меня спросил: «Элий Михайлович, вы знаете, почему партия всегда выступает против непривычной живописи и музыки?» И пояснил: «Живопись, как и музыка, – выражение духовной свободы человека. А это опасно, потому что духовно свободный человек неуправляем». Я возразил: мол, вы же разрушаете творческую личность... На что получил ответ: «Лучше разрушить личность, чем дать ей свободу».

Так вот, на этой второй выставке, после многих лет гонений, больше сотни наших картин были отобраны для Третьяковки, а газета «Правда», поливавшая нас когда-то грязью, хоть и запоздало, но извинилась. Наши картины появились во многих музеях страны, несмотря на отчаянное сопротивление Минкульта. Словом, пришло официальное признание и в России, а меня даже наградили орденом Почёта. Вот такая история.

– Что такое «Новая реальность»?

– Это студия, которую мы создали с товарищами в 1947 году, сразу же после ждановского постановления о формализме в искусстве. Сегодня она объединяет сотни независимых художников, а тогда нас было всего шестеро. Смысл наших новаций в том, что художник не должен соревноваться с натурой, это невозможно. Она настолько хороша, что смешно надеяться её повторить. Поэтому мы отказываемся не от реальности, а от фотографии, предпочитая реальность нашей жизни, нашей души. Ведь самое главное – как мы воспринимаем мир.

Глядя на фотографию, человек вспоминает нечто похожее, и это что-то даёт. Но ему нужно большее, нужно заряжаться, глядя на картину. Современный человек обязательно должен участвовать в процессе восприятия. Иначе что? Поглядел и ушёл. А тут картина становится частью его самого – ведь он же увидел самого себя, свои переживания. Это и есть новое

искусство. Зритель обязательно должен почувствовать волнение художника, понять, что он выражает, и тогда картина станет его духовной собственностью, частью его жизни. Сегодня нужна живопись, которая передает не натуру, а твои чувства, переживания, и поэтому не обойтись без абстракции.

– Вот об этом – чуть подробнее. Абстракционистов традиционно обвиняют в непонятности. Одно дело – Шишкин, «Утро в сосновом бору»: деревья, медведи – все как настоящие, и совсем другое – Малевич со своим черным квадратом.

– Знаете, я был ещё подростком, когда увидел эскиз Иванова к его картине «Явление Христа народу». Это была обыкновенная ветка, реалистически написанная, но она давала такое ощущение полноты свободы, которая не снилась ни Матиссу, ни Малевичу... хлётче любого абстракционизма. Художник как-то сказал, что в мундирном воротничке очень трудно чувствовать себя свободным. Но, глядя на его «Ветку», было впечатление, что человек дышит полной грудью. И тогда я понял, что в искусстве это главное. Если вы чувствуете, что у вас есть это дыхание, то можете стать художником, писателем, инженером – вообще можете кем-то стать, потому что для индивидуальности самое важное – внутренняя духовная свобода. Вы можете лишиться всего, жить в ужасных условиях, но это не важно, если вы свободны.

Ведь Тициан тоже сначала писал на религиозные сюжеты – иконы, но потом отказался от прежних традиций, потому что всё искусство – это восстание. Это не я говорю, а художники Средневековья.

– Почему восстание?

– Потому что человек развивается, растёт. Ван Гог, Пикассо, Кандинский... Что они – сумасшедшие, что ли? Они прекрасно понимали, что делают, и формировали новые способы восприятия мира. Нас не удивляет, что можем из квартиры позвонить в Америку – потому что мы подготовлены к тому, чтобы это воспринимать. Так и художник готовит человека к новой жизни, к новой грани бытия.

Один наш московский мэтр говорит: мол, главное для художника – зарабатывать деньги. Нет, главное – быть художником, писать то, что у тебя внутри, пусть и голодая при этом. А если деньги зарабатывать – то ты просто ремесленник.

– В своё время были популярны слова, что искусство принадлежит народу. Их вспоминали, если народ чего-то не понимал. Какие у вас в этом смысле отношения с соотечественниками?

– Маркс однажды сказал, что для немзыкального уха музыка – это простой шум. Но у меня есть на этот счёт своя теория, я думаю, что дело тут не в подготовленности, а в контакте. Чтобы воспринимать искусство, мало ходить в музеи или консерватории. Иногда деревенский житель очень остро чувствует искусство, в то время как иной академик, крупный ученый, совершенно его не воспринимает. Что ж, это вполне нормально. Если человек не понимает сложные формы – он идет смотреть шоу или стриптиз. Говорят, внутренне это благотворно на него действует. То же самое в известной мере делает и бетховенская симфония, разница лишь в уровне.

Что такое, например, древнеегипетские барельефы или музыка некоторых народов Севера – блим-блм на одной ноте? Тоже искусство. Здесь важно, как оформляются и проявляются человеческие чувства, каким образом происходит контакт со зрителем или слушателем.

Нельзя подходить к этому так, как Гитлер: мол, любой ефрейтор должен понимать живопись. Тогда получится низведение человека до уровня животного. Не случайно же искусство Третьего рейха и нашего сталинского рейха одинаковы. А ведь до Сталина развивались революционные принципы начала XX века, где были Кандинский, Малевич и другие. В обществе зрел бунт, и художники его выразили. Но потом этот кипящий котел накрыли крышкой соцреализма, придуманного метода для представления несуществующей жизни, что неизбежно привело к новому взрыву.

Не надо унижать людей. В них заложен огромный потенциал творческого роста, совершенствования, поиска. Искусство должно поднимать человека, наполнять его какими-то идеями, побуждать к совершенству.

Сегодняшнее искусство только создаётся и, безусловно, будет восприниматься всеми. Оно может быть совсем не таким, как видится мне и моим товарищам, но оно будет. Оно должно задевать человека, чтобы тот обязательно сопереживал художнику. Мы ищем пути к нему.

– Находите?

– Судя по отзывам, порой что-то удаётся. Когда сделали вторую выставку в Манеже, посетители нам говорили, что приходили туда отдыхать. Живопись настраивает людей на совершенно новый лад. Недаром в православных храмах повсюду иконы, в католических – скульптуры. А цель одна – воздействие. И современные художники ищут пути к этому. Пусть порой смешно и глупо, но это же нормальное развитие искусства. Мы обязаны искать, а уж Бог поможет найти средства сделать наше искусство всеобщим.

Нередко и ошибаемся. Один мой ученик, например, взял дверь и к ней приделал двенадцать звонков. Так он хотел передать дух коммунальной квартиры. Но это натурализм, всё равно, что картины Шилова. Только вместо того чтобы выписывать детали, он берёт готовую дверь. И зритель соприкасается всего лишь с бытом, с мелочёвкой. Но если вы хотите быть Шекспиром, зарядить человека на большее, то ваше искусство должно вывернуть человека наизнанку и показать его суть.

Беда в том, что сегодня мы – жертвы позапрошлого века, когда искусство было визуально-познавательным. На смену ему идёт другое, искусство воздействия, дающее эмоциональную информацию, которая задевает любого. Может быть, лишь в будущем столетии искусство станет таким, что не останется человека, равнодушного к нему. Во всяком случае, мы в это очень верим.

Она умела видеть невидимое

Художнице Наде РУШЕВОЙ исполнилось 50. Из них она успела прожить всего 17 лет, оставив нам десять тысяч рисунков. Последние три года училась в 470-й школе, которая теперь носит её имя, на Ереванской улице. С тех пор эту школу навещают люди не только с окрестных улиц, но и со всего мира. Там теперь её музей.

Рисовать она нигде не училась, потому что умела это делать от рождения. О ней никогда не говорили – самоучка, любительница и тому подобные слова, которыми обычно хотят извинить таланту некоторую нетвердость в профессиональных азах. Зато говорили другое. «То, что это создала девочка гениальная, становится ясным с первого рисунка» – слова писателя Ираклия Андроникова. «Да, гениальная, – теперь нечего бояться преждевременной оценки» – это уже мнение известного скульптора и графика Василия Ватагина, Надиного наставника в искусстве.

ОТСТУПЛЕНИЕ НА ТЕМУ О ГЕНИЯХ

Гениальная? А что такое гений? «Гений – это 1 процент вдохновения и 99 процентов пота», – сказал когда-то Эдисон, изобретатель электролампочки. Его слова многим понравились, и их часто повторяют, потому что получается, будто при известном трудолюбии всем открыта дорога в гении. Только надо учесть, что Эдисону после начальной школы пришлось торговать газетами, да и в школе-то он усвоил немного: «Я никогда не был способен хорошо учиться и всегда был в числе последних в классе». Это он о себе. Поэтому лично мне ближе слова одного француза на ту же тему: «Гений – это способность видеть невидимое». Вот это уже точнее. Сама Рушева о своих рисунках говорила так: «Я их заранее вижу. Они проступают на бумаге как водяные знаки, и мне остается их чем-нибудь обвести».

А на бумаге, между прочим, порой проступали откровения. Вот, к примеру, какая история была с её иллюстрациями к Булгакову. В 60-е годы, когда круг чтения определяли не читатели, а специально на то уполномоченные люди, роман «Мастер и Маргарита» ходил в самиздате. Попал и к Наде. Отец засомневался: «А не рано тебе его читать? Ведь не поймешь». Но 15-летняя дочь ответила: «А мне кажется, я поняла». И показала папку с иллюстрациями.

Когда Нади уже не стало, решили показать рисунки вдове писателя, Елене Сергеевне. Та посмотрела, и один рисунок – женский портрет – её поразил. Она молча встала и принесла свою старую фотографию со словами: «Где она меня видела?» Это было одно и то же лицо (кстати, рисунок хранится сейчас в школьном музее).

Такое прозрение – не единственное. Вот, например, из той же булгаковской папки – портрет Мастера с перстнем на пальце. Действительно, у писателя был фамильный перстень, который он надевал, садясь за письменный стол. Знакомые знали об этом, но откуда знала Надя? «Мне так показалось» – вот и всё объяснение. Она попросту видела то, что скрыто от других.

УЧЁНЫХ УЧИТЬ – ТОЛЬКО ПОРТИТЬ

Имя Надежда монголы произносят как Найдан, что означает «вечно живущая». А монголы здесь при том, что родилась Надя в Улан-Баторе, где в то время работали её родители, проникаясь культурой братской страны. Николай Константинович, художник-декоратор, преподавал в художественном училище, а Наталья Дайдаловна, одна из первых балерин Тувы, после рождения дочери оставила сцену и работала педагогом-балетмейстером. Когда командировка закончилась, переехали на родину отца, и полуторагодовалая Надя стала москвичкой. Ходила в детсад при «Шарикоподшипнике», пела в хоре, танцевала. Мама показывала несложные балетные па, бабушка немного учил играть на фортепьяно. Но больше всего она любила слушать сказки и рисовать. Ей было семь лет, когда отец в который раз читал любимую «Сказку о царе Салтане». За это время она успела набросать в альбомчике больше трех десятков скупых на детали, но занятых иллюстраций. Рисовала легко, играючи, давая волю

воображению и фантазии. Ластиком не пользовалась, если что не нравится – комкает листок и выбрасывает. Ясно, что тут никаких альбомов не напасешься. К тому же в те времена с ними был некоторый напряг, но девочка готова была рисовать на чём угодно – в тетрадке, на обоях, на песке у Царицынских прудов, на снегу... Родители, конечно, заметили и оценили способности ребёнка. И тут же бросились изо всех сил развивать юное дарование? Ничего подобного. Отец не только не добавил к её рисункам ни штриха, но даже избегал критиковать, чтобы не давить авторитетом. Зато собирал и хранил рисунки, которыми дочка совсем не дорожила.

К восьми годам у неё было больше двухсот композиций на античные темы – гомеровские герои, подвиги Геракла... Когда исполнилось десять, начала ходить в изостудию дворца пионеров. Там её и заметил академик Ватагин, седобородый старец в тубетейке. Но заметил не только незаурядные способности. Оказалось, что года учебы в студии вполне хватило, чтобы талант начал усредняться, а самобытность – исчезать, уступая место расхожим штампам. Ватагин поговорил с родителями («её не учить, а осторожно воспитывать надо. Берегите дар воображения»), и Надю из студии забрали. Вместо этого начались регулярные встречи с мастером. А рисовать её никто не заставлял, она занималась этим только в своё удовольствие. Приходила из школы и на полчаса брала в руки карандаш. Но зато эта забава стала ежедневной потребностью на всю жизнь.

Пробовала себя в разных техниках – акварель, пастель... Но всё – легко, с первого раза. «Рисовать? Да просто охота такая, забросить все и рисовать, рисовать, рисовать... Сколько хочешь и что хочешь. Когда начинаешь рисовать по заданию, всегда что-нибудь не так», – объясняла она. Ведь рисовать можно совсем другую жизнь. Скажем, одеть подружек в самые модные платья. Себя изобразить в джинсах, которые тогда только входили в моду, и в умопомрачительных очках, и чуть постарше, чем на самом деле, уже студенткой ВГИКа – Надя мечтала стать мультипликатором.

Так что же, спасибо природе за её щедрый дар? Кому повезло, тому остаётся, резвясь и играя, создавать шедевры, чтобы занять своё место на Олимпе? Нет, у великих свои проблемы. «С рисунками – кризис! Нет той прежней уверенности, точности, все выходят измождёнными, как из концлагеря» – Надины слова. Или: «Во многих вещах разочаровались. Надо как-то перестраиваться». И ещё обострилось чувство времени, словно включился какой-то счётчик. Ничего нельзя откладывать на потом. Рисунок – сразу набело, жить – сегодня, сейчас, не ожидая грядущих радостей: «...А день был такой чудесный. Отвратительно сознание, что теряю его с утра», «Как глупо прошло воскресенье»...

Всё-таки прав был Эдисон: ленивых гениев не бывает.

ЗА ПУШКИНА – ДВОЙКА

Она умела перевоплощаться в своих героев («Я живу жизнью тех, кого рисую»). В 14 лет начала работать над иллюстрациями к «Войне и миру» и за три года сделала более четырёхсот рисунков. А ещё были Шекспир и Рабле, Марк Твен и Лермонтов... всего около полусотни авторов. Но с Пушкиным у неё сложились совершенно особые отношения. Казалось, Надя знала до мелочей не только произведения поэта, но и его жизнь. Вот он с няней Ариной Родионовной в Летнем саду. Саше – полтора года. Навстречу им – сам император, причем один, без охраны – такие уж были времена. Но зато требования к протоколу были жёсткие. А няня, как на грех, забыла снять с малыша головной убор по случаю такой встречи. За что, конечно, и получила высочайший разнос.

Или вот Пушкин-лицеист. В его одежде некоторая странность – на нём лишь один сапог. Оказывается, он наказан, потому что в таком виде далеко не уйдёшь. А уйти, между прочим, хотелось к гусарам, которые несли тут службу, перемежая её вином, картами и бесконечными рассказами о своих победах на самых разных фронтах...

Была Надя и на Мойке, в пушкинской квартире, сидела на диване, где лежал раненый поэт. Родился рисунок – последний вечер перед дуэлью. Семейная сцена, неприятный разговор

с женой. У мужа большие долги, ведь он азартный игрок. И дуэль далеко не первая. А в семье – четверо детей, их надо кормить... в общем, поговорить было о чём.

Таких рисунков-раздумий на пушкинскую тему – более трехсот. Однако именно за Пушкина Надя умудрилась однажды получить двойку по литературе. На дом задали выучить стих, но накануне вечером какое-то мероприятие вроде школьной дискотеки помешало классу это сделать. Если на такое событие посмотреть принципиально, то массовых двоек не миновать. Учитель уже поставил двенадцать штук, и под занавес вызвал Надю, которая, конечно же, знала стихотворение: пусть, мол, разгильдяи знают, с кого брать пример. Но случилось неожиданное. Надя выделяться не захотела и предложила прочитать другое стихотворение. Однако высокие принципы не терпят компромиссов, и на тринадцатой двойке опрос закончился.

Как ни странно, этот малозначительный эпизод впоследствии обогатил отечественную поэзию, вдохновив некую поэтессу. В её стихотворении есть такие строчки: «За Пушкина двойка, за Пушкина двойка... А Пушкин смеется и рядом идёт».

Надины рисунки увидел старейший пушкинист А. Гессен и предложил школьнице проиллюстрировать его книгу о поэте – ведь рисунки самого Пушкина и его почитательницы очень близки по стилю. Надя с задачей справилась, сделав более тысячи рисунков. Но вскоре умерла, и книга так и не вышла.

О ХУДОЖНИКЕ И ТОЛПЕ

Школа наша, как известно, держит курс на среднего ученика. Ей не нравятся «не такие, как все», а также «очень умные». А тут появился человек, у которого в 11 лет первая публикация рисунков, в 12 – персональная выставка, в 14 – поездка в Варшаву. Ну и, конечно, интервью, статьи, восторги. Да ещё и своя точка зрения на классику. Не нравится ей, видите ли, князь Андрей из «Войны и мира». Такую дерзость, естественно, оценили ещё одной двойкой. К счастью, это был всего лишь эпизод, и поэтому рассуждений на тему «художник и толпа» у нас не получится, потому что такого противостояния не было: художника выручила скромность, не очень типичная для талантов. Когда Надя пришла в восьмой класс 470-й школы, там никто о её рисунках не знал. Да, выпускала стенгазету, но это совсем другое. «Она была обыкновенной школьницей, пока не брала в руки перо и фломастер, и тогда начинались чудеса», – писал о ней Лев Кассиль. Ещё отпрашивалась на выставки, и лишь случайно узнали, что выставки-то – её.

Никогда не говорила о себе, о своих успехах. Сделает дело, а когда придет пора пожинать плоды, предпочтёт оставаться в тени. Словом, в школе её любили. А академик Д. Лихачев как-то сказал: «Надя – хороший человек и поэтому хороший художник. Понимаете ли, это кристаллизация чистоты духа».

...В начале весны 1969 года о ней снимали фильм «Тебя, как первую любовь». Когда съемки подходили к концу, Надя заболела гриппом, но работу прерывать не стала. Хоть чувствовала себя неважно, пришла вовремя. А когда нагнулась, чтобы завязать шнурок, упала. Кровоизлияние в мозг...

Незадолго до смерти гуляли с подругой по улице неподалеку от кладбища. Кого-то хоронили, звучала траурная музыка. «Как фальшиво играют... Зачем люди своё горе выносят на улицу? Если со мной такое случится, то я бы хотела, чтобы пластинка играла „Битлз“ или второй концерт Рахманинова», – сказала она. И когда с ней прощалась школа, вспомнили эти слова.

На Покровском кладбище, где её похоронили, прошлой осенью поставили памятник. На гранитной плите изображён симпатичный кентавренок. «Это мой автопортрет», – когда-то сказала о нём Надя. И нет больше на кладбище такого жизнерадостного надгробия.

А в школьном музее проводят конкурсы детских рисунков. Конечно, многие стараются подражать Рушевой, но не получается, потому что в искусстве у каждого свой путь. Зато смотритель музея Герман Вячеславович Есипов говорит: «Когда ребята приходят сюда, то преоб-

ражаются, глаза становятся другими. Они видят, на что способен их ровесник». Кстати, когда в Германии решили издать антологию мировой графики, то Россию представил рушевский рисунок «Дафна в объятиях Аполлона».

Пожелтела бумага, рисунки школьницы уже намного старше своего автора. Впрочем, так всегда и бывает: ведь жизнь коротка, а искусство вечно.

Галина Хомчик: Пою для тех, кому это нужно

Она работает на телевидении, но звездой стала не с телефабрики, там такие не получают. Ей не надо скакать по сцене, поражать туалетами и привлекать внимание скандалами – всё, что нужно, она может выразить голосом. Среди наших бардов у неё свое место, хоть сама не написала ни строчки. А ещё её называют миссионером звучащей поэзии, потому что Галина поёт, в основном, авторские песни. Для этого недостаточно хорошо петь: ведь лучшие всего споёт свою песню сам бард. Но что делать, если песня пережила своего создателя? Или он далеко, а хочется послушать вживую... При этом певица никого не копирует, интонация у неё своя, но это нравится – и слушателям, и самим авторам. Как ей это удаётся? Наверное, так же, как и её друзьям – сочинять хорошие песни.

– Давайте начнём с определения слов. Что такое авторская песня?

– До сих пор не знаю, чёткого определения нет. Термин придумал Высоцкий, до него говорили просто: песни Окуджавы. Галича, Кукина... Главное, чтобы за песнями была личность.

– Но вот вам такой текст: «похоже на разводку: наркотики нельзя, но можно водку». Автор – личность довольно известная. Сам сочинил и сам поёт.

– Песня – это всё-таки то, что хочется петь, где есть музыка, в том числе и в стихе. Тут я никакой музыки не слышу.

– Пожалуйста, есть стихи и с музыкой: «ты целуй меня везде, я ведь взрослая уже».

– Тогда уж разберёмся, что отличает авторскую песню. Некоторые говорят: это когда три аккорда и простые стихи. Да, слова могут быть простыми, но примитивизма там нет, в этой простоте – поэзия. Пусть и не всегда высокая, могут быть какие-то погрешности и рифмы, и стилия, но это всегда откровение души. А «ты целуй меня везде» – примитив, откровение не души, а некой части тела глуповатого, неразвитого подростка.

Когда-то пятнадцатилетняя девочка по имени Консуэло Веласкес написала что-то похожее – «целуй меня крепко» (кстати, по её словам, в том возрасте она ещё ни разу ни с кем не целовалась). Так вот, по-испански у нее получилось «беса ме мучо». Разница в таланте.

– С чего началось ваше увлечение песнями?

– С семьи, папы с мамой. Мама, инженер-строитель, приносила песни из походов, а папа, журналист сначала радио, а потом АПН – на своем «репортёрчике». Я на этом росла – Окуджава, Галич, Визбор, Высоцкий. Музыка меня окружала с детства, но я не была зажата в бардовские рамки. Слушала и хорошую французскую эстраду – Матье, Пиаф, Азнавура. И ещё были романсы и народные песни, которые замечательно пела моя бабушка. Они необыкновенно мелодичны, и я с удовольствием их пою, хотя там слова, может, и не несут той нагрузки, что в авторской песне.

– Это почему же? «Ты гори, гори моя лучина, догорю с тобой и я» – не несёт?

– Здесь другая поэтическая фактура, здесь больше фольклора, сюжета, да и авторов... словом, всё другое. И нет того, что отличает авторскую песню, ставшую для меня самой главной, от всего остального – неповторимой интонации, личной, доверительной.

Когда в 1979-м я впервые вышла на университетский конкурс художественной самостоятельности, то уже хорошо понимала всё, что пою. И принимала. Если бы я могла так сама выражать свои мысли и то, что меня волнует, то хотела бы делать это языком авторской песни. Спела «Почтальонку» Дмитрия Сухарева и Сергея Никитина и заняла первое место. Так, собственно, всё и началось. Потом был московский фестиваль авторской песни, всесоюзный, Грушинский...

Однажды на концерте меня спросили: кем я себя считаю среди бардов, с которыми мы часто выступаем вместе: посредником или посланником? Я впервые задумалась: ведь сама ничего не пишу, а пою чужое. И поняла, что я действительно не только некое связующее звено между песней и слушателем, но и, в какой-то степени, доверенное лицо автора. Словом, я – человек из зала, волею судьбы вышедший на сцену.

– Наверное, помните такую популярную телепередачу – «В нашу гавань заходили корабли»? Там звучало много песен, которые можно назвать авторскими, хоть автор и не известен. Но всё же на бардовские они мало похожи. Вот, к примеру: «Дайте ходу пароходу, поднимайте паруса, дайте мальчику свободу за красивые глаза».

– Это близкий родственник авторской песни, потому что здесь тоже есть некий автор из народа, который однажды вот так высказался, и все это запели. Это, скорее, городской романс, хотя назвать так совсем уж какой-нибудь блатняк – тоже неправильно.

Бывает и так: некоторые графоманы считают, что пишут гениальные произведения – друзьям нравится. Что ж, и это творчество имеет право на существование – ну, человек так высказался... Во всяком случае, думаю, что такое самовыражение заслуживает большего уважения, чем нечто, сочиненное на потребу.

– А вот что скажете по поводу такого сюжета: «по этапу идет эшелон из столицы в таежные дали»?

– Это настоящая лагерная авторская песня тех лет, когда в неволе была интеллигенция. Тут нет уголовной «романтики» убийц и насильников, что звучит сегодня по радио. Эта – фольклор времён Анатолия Жигулина, Варлама Шаламова, потому и слова здесь совсем другие. А музыка заимствована из песни «Я тоскую по родине, по родной стороне своей...» И «Ванинский порт» из той же эпохи, я его с удовольствием и слушаю, и пою.

– «Мурку» – тоже?

– Это неплохая стилизация под уголовную песню. Как, например, у Глеба Горбовского: «Когда качаются фонарики ночные, когда на улицу опасно выходить». Я хорошо отношусь к талантливым стилизациям, которые не скатываются в пошлятину и откровенную уголовщину.

– Ваш репертуар не умещается в авторской песне – тут и народная «Лучина», и Окуджава, и «Песня о Тбилиси» на грузинском, и «Шар голубой» на идише, и ещё много чего. По какому принципу вы их отбираете?

– Во-первых, не шар голубой, а шарф: именно он – прототип известной нашей песни. Для меня это образец городского романса. А вообще у меня много песен из сопредельных жанров. Дело в том, что я просто люблю хорошие песни и хорошую музыку. Что значит «хорошую»? Такую, которая мне нравится. Тут критерий один – мой собственный вкус, а хорош он или плох – это рассудят слушатели и время. И ещё интуиция. Откликнулось в душе или нет. Если песня чем-то меня зацепила, то беру её в свой репертуар. А бывает – вроде всё хорошо, но есть какое-то слово, о которое спотыкаюсь – скажем, неточная рифма. Дело в том, что я окончила филфак, и у меня, наверное, обостренное чувство языка (хотя в разговорной речи порой и сама грешу...) Тогда песня у меня не получится.

– Так замените слово. С филологическим-то образованием.

– Не имею права. В лучшем случае я могу поговорить с автором и попросить его это сделать. Например, понравилась мне песня Вадима Егорова «Бабье лето». Но она мужская, там такие слова: «припорошен первой проседью, снова я иду по осени». Я к Вадику – мол, можно, спою: «снова ты идешь по осени»? И песня стала женской.

– Но не все же знакомы с Егоровым. В конце концов песня расстанется с автором и начнет самостоятельную жизнь.

– Да, расстанется. Вот у него есть песня: «Друзья уходят как-то невзначай, друзья уходят в прошлое, как в замять...» Однажды на каком-то конкурсе к нему подошли две девочки

и попросили: можно споём вам эту песню? И запели: «Мужья уходят как-то невзначай...» Видно, они её разучивали по какой-то далеко не первой записи. Вот так песня и пошла в народ.

– Кто сегодня займет место таких мастеров, как Окуджава, Галич, Высоцкий? Что-то не видно равновеликих.

– Никто не займет, потому что личность неповторима. А вот что касается равновеликости... Если считать по количеству людей, которые слушают и поют их песни, то равных Окуджаве и Высоцкому в наше время нет. Они гениальны тем, что их язык был понятен миллионам, эти песни пела вся страна. Зато сегодня есть другие авторы, пусть и менее народные.

– Может, просто сама авторская песня занимает в нынешней жизни меньше места, чем прежде?

– Я не понимаю таких обобщений. В чьей жизни? У всех жизнь разная. Люди, которым были нужны такие песни в 60-х – им надо это и сейчас, для них это и сегодня отдушина – посмотрите, что вокруг творится!.. У кого духовное преобладает над материальным, те по-прежнему ходят на наши концерты, всё так же нуждаются в духовной подпитке и нормальных человеческих ценностях. Бардовская песня позиций не сдала.

Другое дело, что телевидение, печать навязывают народу некоего монстра под названием массовая культура. Раньше человек мог выбирать: либо послушать эстрадный концерт (замечу, что в те времена эстрада была качественной, не в пример нынешней), либо сходить в кино и посмотреть неплохой трофейный фильм, либо послушать песни – не те, которые звучат по радио. Телевизор тогда не влиял на нас так, как сейчас, да и интернет ещё не появился. Возможно, потому и поклонников авторской песни было больше. И не лезла отовсюду эта назойливая, раскрученная попса.

– Но раскручивает-то её телевидение, на котором вы, кстати, работаете... Телевизионщики почему-то пытаются на своей фабрике зажигать новые звезды, но свету от них получается мало. А вот многих действительно талантливых людей на экране не увидишь. В Останкино, конечно, вход по пропускам, но по какому, интересно, принципу их выдают?

– Нынешнее телевидение – это бизнес, рассчитанный на толпу, которая готова платить. А сегодня с деньгами, как правило, люди, далекие от культуры, – той, которая с большой буквы. Поэтому телевизионщикам неинтересно, что хотят смотреть три – пять процентов интеллигенции, которая не реагирует на рекламу: ведь у нас на руководящих должностях не романтики, а прагматики. Они понимают: страна обидлена, и чтобы удивить массового зрителя достаточно раздеться прилюдно. Я работаю в Останкине двадцать лет, это на моих глазах всё происходило – развал, изгнание профессионалов, приход мальчиков-девочек, даже не научившихся говорить... Телевидение – отражение того, что происходит с нашим обществом.

– А что, вас это никак не касается? Приходится, наверное, учитывать вкусы людей, которые вас слушают?

– Меня трудно заставить петь то, что мне не нравится. Кстати, когда я была еще студенткой, меня приглашали на работу и в Москонцерт, и в Росконцерт. Но я отказалась, потому что поняла: придется петь там, где скажут, причём перед теми людьми, перед которыми скажут. И, наконец, петь то, что скажут. А я хотела петь для тех, кому это нужно, то, что мне нравится и там, где мне хочется.

– Выходит, доперестроечной цензуры не почувствовали?

– Почти нет. Ведь я никогда не пела остросоциальных песен. На своих сольных концертах репертуар ни с кем не согласовывала, зато когда приходилось выступать в концертных программах за рубежом, на отборочных просмотрах в ВЦСПС, ЦК ВЛКСМ и тому подобных организациях всё очень строго выверялось – комиссия, печати, подписи... Например, песню Высоцкого «Мужчины ушли...» мне разрешили исполнять только в начале перестройки.

«Идеологи» бесцеремонно влезали и в тексты. У моих друзей Иващенко и Васильева была песня с такими словами: «С доброй подружкой и с кружкой в руке...» Им объяснили:

мол, с кружкой – это не очень, вы лучше пойте так: «с доброй подружкой, с гитарой в руке». Не помню уже, чем это кончилось.

– А вы бы спели?

– Думаю, что нет. Скорее, песню бы заменила. Я принципиально не люблю менять слова без согласия автора.

– Часто бывает, что строчка из песни выражает жизненную позицию, а то и философию на каждый день: «есть только миг – за него и держись», «мой адрес – Советский Союз». Или: «партия сказала: надо – комсомол ответил – есть»... А вам какие строчки близки?

– Есть разные песни, под словами которых я могла бы подписаться как под своим отношением к жизни. Такие строчки я очень часто нахожу у Окуджавы. Например, «давайте восклицать, друг другом восхищаться» – вся эта песня, от начала до конца, для меня – непреходящая мудрость. Я так сказать не могу, а поэт дает мне слова, помогает понять, что я чувствую. Любимые песни мне очень часто дают своего рода цитатник, который сидит в голове и помогает ориентироваться в жизни.

У Ольги Качановой, например, есть чудесная песня «Льдинка»:

С этими словами я сверяю свои поступки. И когда делаю что-то не так, мне потом очень плохо от этого становится.

– Помнится, вы очень тепло спели про кота – такого, себе на уме, который «греет свой зад, а вам кажется – вы им согреты». Видел даже ваше фото с этим зверем на обложке журнала. У вас к нему особые чувства?

– Я котов обожаю. У меня кот Василий, подобранный во дворе. Я вообще в детстве часто приносила домой разных зверюшек, а потом, когда выяснилось, что у меня к ним аллергия, которая уже переросла в астму, они переселились к моим родителям. Но по-прежнему традиция подбирать на улице зверье сохраняется. Вот и сейчас у нас замечательно живут все втроём – кот Василий, кошка Леся и собака Ричи.

– Когда мы договаривались о встрече, я понял, что ритм вашей жизни очень напряжённый. Не мечтаете уехать куда-нибудь, чтобы потише и поспокойнее?

– Нет, хотя изредка делаю и это. Для меня жизнь – движение, и мне хорошо, когда каждая минута расписана. Такой ритм дисциплинирует и не дает расслабиться. Это тяжело, я иногда устаю от неустроенности, постоянной смены городов, гостиниц, душных поездов, самолетов, которых я боюсь... Зато чувствую, что время движется, и я двигаюсь вместе с ним. Как только расслабишься – начинаешь лениться, стариться, и жизнь проходит впустую.

А в ледоход нужна отвага,
Но я твержу себе слова:
Что б ни стряслось со мной – ни шагу
Я не ступлю по головам.

Марыля Родович: Не надо тратить время на враньё

Марылю Родович называют лучшей эстрадной певицей Польши двадцатого века. Пани Марыля – одна из самых известных в мире полек, она уже более трёх десятилетий на сцене, обладательница многочисленных международных призов, государственных наград, почетных званий. Её знаменитые «Разноцветные ярмарки», которые принесли Гран-при на фестивале в Сопоте, слушают до сих пор. На концертах певицы мирно разрешается конфликт поколений, потому что ей аплодируют не только дедушки, помнящие первые её выступления, но и их внуки. Между тем российским дедушкам есть что вспомнить. Например, дни польской культуры в конце семидесятых, когда Польша воспринималась у нас как окно в Европу, откуда дули свежие ветры. Именно в те дни Марыле показали перед концертом письмо с многочисленными подписями наших трудящихся, адресованное в инстанции. Трудящиеся требовали запретить выступления певицы Родович: «Мы отказываемся слушать эти буржуазные песни в агрессивной манере!» Певица требованием пренебрегла и спела, как привыкла, от души. А зрители устроили ей овацию, тоже от души.

Недавно певица в очередной раз приехала в Москву и пела для россиян, к которым явно неравнодушна.

– Пани Марыля, ваша манера пения не изменилась. Однажды вы сказали, что рок – это бунт, и, похоже, продолжаете бунтовать. Против чего?

– В шестидесятые годы я начинала с биг-бита (так тогда назывался рок). Это бунт, голос тех, кто не согласен с существующими канонами и стереотипами. мода тут ни при чем, она меняется, а мои концерты всегда те же. Я очень люблю энергичную музыку – эти звуки дают мне силу, экспрессию, очень важную для больших залов, К тому же такая музыка соответствует моей натуре. Не представляю, что смогла бы спеть под фонограмму, – это не моя энергия. Дело в том, что у меня есть своё мнение, я непокорна и делаю то, что хочу.

– Но если вы делаете что хотите, то как вам удавалось в прежние времена ладить с властями, которые этого не любят?

– Знаете, у нас социализм никогда не был серьёзным. Люди, которые пытались это устроить, говорили одно, а думали другое. Коммунисты и дома молились, и в костёл ходили. В общем, это была такая игра.

– Сейчас другое время, другие песни. Но молодежь по-прежнему вас слушает. Как вы думаете, почему?

– Дело не в песнях. «Роллинг стоунз» всю жизнь поют одно и то же, и люди слушают, потому что Мик Джаггер имеет внутреннюю энергию. Я играю другое, но это не имеет значения. Самое главное – энергия и харизма. Если этого нет, можно играть современную, модную музыку – ничего не получится. Главное в том, что зритель мне верит.

– А собственные дети – верят, прислушиваются к советам?

– У них свой путь. Но они всегда говорят, что я очень терпима, и всегда делали то, что хотели. Я за то, чтобы каждый решал свои вопросы сам.

Дочка Казя учится в ветеринарной академии, влюблена в животных. Старший, Ян, три раза оказывался на первом курсе, всё ищет себя. Поступал на разные факультеты, прекрасно сдавал экзамены, но через год говорил – нет, это не для меня. Сейчас изучает философию. А младший, Анджей, очень любит ездить со мной на гастроли. Муж мечтал, чтобы он учился экономике, сын согласился, но недавно твердо сказал: нет, хочу быть музыкальным продюсером. Муж меня упрекает: а... это ты его испортила!.. Но я всегда хотела, чтобы у детей был свой ум, и многое разрешала, остальное зависело уже от них. Может быть, это была ошибка, жизнь покажет.

– Ваша родина – Вильнюс?

– Да, мой отец – профессор биологии, преподавал в Вильнюсском университете. Когда Вильно стал советским городом, родители собрались в Польшу. Отец с маленьким братом успели сбежать в Зелену Гуру, а 19-летнюю мать, беременную мною, арестовали энкавэдэшники. Обвиняли в подрывной деятельности, грозили выслать в Сибирь. Она чудом сохранила ребенка. Через месяц дознаний и пыток некий майор, как ни странно, сжалился и отпустил: мол, куда тебе в Сибирь в таком платье? Замёрзнешь!

– Те давние события не испортили вашего отношения к нам?

– Нисколько. У меня много тёплых чувств к России. Ведь во мне и русская кровь: моя бабушка по отцу родом из Тулы. Я чувствую, что русские мне гораздо ближе, чем, например, американцы. Если нахожусь где-то на Западе и слышу русский язык, то думаю: вот, наши люди...

– Откуда так хорошо знаете русский?

– В наших школах его когда-то изучали все. А потом я много раз приезжала сюда на гастроли. Первый раз – в Сочи, на фестиваль политической песни. Пела «Эх, дороги» под гитару и даже получила там приз – фотоаппарат. А в 1971-м состоялись мои первые гастроли с польской эстрадной группой. В Одессе был такой случай: ко мне подошел организатор и предупредил: мол, вы вчера пели песню на английском языке, и если сегодня снова будете петь на английском, то опустим занавес. Я, конечно, пела что наметила, и занавес опустили. А вообще-то я очень мало пою западные песни.

В том же году впервые увидела Москву. Помню, гуляю по городу в замшевой миниюбке с бахромой, а вслед – голоса старушек: ишь, вырядилась... Срамота!

– Когда приезжаете сейчас – чувствуете, что вас здесь помнят?

– Конечно. Я вот сегодня была на «Русском радио», и там провели опрос на улицах, кто такая Родович. Меня удивило, что все знают. Лишь один сказал, что это актриса, но всё равно слышал. А ведь последние мои активные концерты здесь были 17 лет назад. Много изменилось, но живы те, кто меня помнит.

– Какую из русских песен чаще всего исполняете?

– «Кони» Высоцкого. Я её записала на моей первой и последней пластинке, которая вышла здесь в 1983 году огромным тиражом. Конечно, не получила за это ни копейки, но это не важно.

– У вас особые чувства к этой песне?

– Да, я знала Володю Высоцкого, бывала у него дома. И он приезжал в Польшу, стал там легендой: повсюду в домах крутились его плёнки. Эту песню я сделала, когда он был ещё жив. А когда умер, она зазвучала по-другому, особенно здесь, в России.

– Поляки поют русские песни?

– Ну конечно! «Подмосковные вечера», «Рябина кудрявая», «Синий платочек»... Очень популярны фронтовые. В последнее время к нам часто приезжает хор Александрова, и залы всегда полные.

– Наши «звезды», даже небольшой величины, на публике появляются с охраной, а вы, я вижу, обходитесь без неё. Что, в Польше другие зрители?

– А зачем мне охрана? Когда люди встречают меня на улице, то просто улыбаются. Ведут себя тактично, без истерик и отрывания пуговиц. Это касается не только меня, но и вообще популярных людей. Никто из артистов у нас с охраной не ходит, это было бы смешно. Ну, конечно, если я играю большой концерт, зал переполнен и многие хотели бы со мной поговорить, а времени нет – то без охраны не обойтись. Но в личной жизни это не нужно вообще. Я не представляю себя весь день в таком окружении.

– «Чтобы быть звездой, надо иметь кожу слона и чувствительность бабочки» – это ваши слова. Выдерживаете?

– Не знаю, что ждёт впереди, но от такой жизни уже есть проблемы со сном. После концерта сложно переключиться на отдых.

– Заботитесь о здоровье?

– Вот уже две недели сижу на диете, чтобы быть прежней Марылей Родович, чтобы по-прежнему бегать по сцене. Надо двигаться, держать форму. Это не трудно, потому что я всю жизнь дружила со спортом и даже пошла в Академию физвоспитания – были кое-какие достижения в легкой атлетике, Увлекалась конным спортом, верховой езде обучал Даниэль Ольбрыхский. Мы любили друг друга и несколько лет прожили вместе. Но самой сильной страстью были песни. Когда победила на студенческом фестивале песни в Кракове в 1967 году, началась совсем другая жизнь – записи, радио, телевидение, фестивали...

– Вам удаётся совмещать сцену и семью?

– Нет, я больше принадлежу сцене, потому что искусство ревниво, оно не терпит соперников и требует полной отдачи. Только тому, кто посвящает жизнь искусству, удастся сделать что-то серьёзное. Особенно трудно женщине, у которой дом, семья, дети.

– Вы однажды упомянули об особых отношениях с миром невидимым. Вам помогает некая высшая сила?

– Наверное, да. В моей жизни был удивительный случай. Ещё маленькой девочкой я пошла в магазин и хотела перебежать улицу, полную машин. И вдруг – отчетливо помню – кто-то властно схватил меня за шиворот и задержал. В тот же момент рядом пролетел автомобиль. Я обернулась, но сзади никого не было. Шагнула бы на мостовую на секунду раньше – тут бы моя жизнь и закончилась.

Были и другие истории. Например, когда мой сын сдавал экзамен в университет, я очень беспокоилась. Подруга посоветовала помолиться. Я так и сделала, и сын сдал. Впрочем, он вообще мастер сдавать экзамены. Но всё же я думаю, что у меня есть какая-то связь со святым духом. Он мой друг.

– В Ираке вы выступали перед польскими солдатами. Как вы относитесь к этой войне?

– Я мало знаю обстоятельства этой истории, и мне трудно судить. Есть разные мнения. Но то, что я играла для солдат, – это человеческий жест, а не политический. Мне хотелось, чтобы им было приятно. Точно так же, как стараюсь помогать детям-инвалидам, даю благотворительные концерты. Но это мелочь с моей стороны.

– На одном из концертов вы играли на гитаре, телеоператор крупно показал вашу руку, и на ней были видны царапины. Наверно, у вас дома есть кот?

– И не один. У меня был прекрасный кот – норвежский лесной, но его недавно украли, и я купила двоих котят.

– Что вам в них нравится?

– То, что они такие мягкие, но при этом у них независимый характер.

– А что бы вы сказали, если бы пришлось сравнить характер русских и поляков?

– Поляки не так покорны, как русские. Сегодня мы об этом говорили, когда ждали перед концертным залом в Кремле. Люди идут на концерт, проходят через металлоискатель, и образовалась огромная очередь... У нас народ не такой терпеливый, как ваш, и, наверное, устроил бы революцию.

А ещё поляки предприимчивы. Если, скажем, немец, прежде чем что-то делать, должен иметь всё необходимое для работы, то поляк может и без этого, он привык. Не зря же американцы строят у нас большой завод – они ценят наших рабочих.

Каждый поляк, конечно, индивидуальность, однако это имеет не только плюсы, но и минусы – например, в парламенте, где нам трудно договориться.

– У вас двойное имя – Мария Антонина, но о втором мало кто знает. Зачем оно?

– Не двойное, а тройное, потому что каждый поляк имеет три имени. Два получает при рождении. Я родилась в день святой Марии и поэтому – Мария, а второе – имя русской

бабушки. Когда ребенку исполняется 7—8 лет, то в день первого причастия в костёле он выбирает себе третье имя. Так что я ещё и Тереса. А уж как своими именами пользоваться, каждый решает сам.

– Предположим невероятное – оказались у человека лишние деньги. На что бы вы их потратили?

– На сумочки (смеётся), сапоги. Обожаю! У меня столько этих сумок, что жаль, что они лежат без дела. Но нравятся сапоги и сумки, не могу себе отказать.

– Ваше любимое время года?

– Все.

– Блюда?

– Главное, чтобы было жирное. Сметана, сливочное масло... Вот так: говорю о диете, худею, а потом ем жирное... (смеётся).

– Самое любимое место на земле?

– Мазуры. Это такой район на северо-востоке Польши – леса, озера. В короткие отпуска, когда муж может оторваться от дел, а я – передохнуть от концертов, выбираемся на Мазурские озера, туда, где нет людей. Только тишина, рыбалка, книги.

– Где вам приятнее всего выступать?

– Кроме Польши здесь, в России, потому что российская публика переживает очень глубоко, эмоционально. Приятно петь для такого зрителя. Но, конечно, в Польше меня понимают быстрее, чем я что-то скажу. Как это по-русски? Вот-вот, с полуслова.

– Говорят, у вас высокие требования к мужчинам. Что вы в них цените?

– Характер. Мне нравится, когда человек не агрессивный. Это проявляется, когда он за рулем. Каждый хочет обогнать машину, которая впереди. Это ужасно. Я всё время спрашиваю: а куда ты так спешишь? Никуда, отвечает, просто не могу перенести, когда передо мной кто-то едет. Но если ты этого обгонишь – будет другой. А я, говорит, и его...

– Но это же обычное стремление к лидерству, характерная мужская черта.

– А я люблю, когда у человека есть чувство юмора, когда он романтик.

– Романтик – это что? Цветы, стихи?

– Нет, когда он любит искусство. И когда с ним можно поговорить как с человеком. Ещё ценю любовь, верность, нежность, душевный покой. Я расставалась с любимыми людьми потому, что они не могли мне этого дать, дать надежность и стабильность. Жить вместе – тяжёлая работа. Приходится от чего-то отказываться, идти на компромиссы, учиться понимать и прощать. Идеальных людей нет, и надо принимать своего мужчину таким, какой он есть.

– Есть такая теория, что после смерти мы начнём следующую жизнь. Что бы вы в той жизни изменили?

– В общем-то ничего. Нет смысла жалеть, что пришлось жить при социализме, и рассуждать, что было бы, если бы я родилась в Америке и какая бы я была богатая... жаль на это времени. Надо уметь радоваться всему, даже мелочам. Я это умею и думаю, именно поэтому могу столько дать зрителям. Не боюсь жизни и никогда не думаю о смерти. Один из моих дисков, который разошёлся в одночасье, так и называется – «Жизнь – прекрасная штука».

– Вы действительно так думаете?

– Я оптимистка, умею ждать и радоваться малому. По-моему, нужно быть искренним, заниматься любимым делом и не терять время на ненужные поступки и враньё. Вот я и занимаюсь творчеством на всю катушку, не забывая при этом, что главное в моей жизни – семья. Ведь предназначение женщины – быть женой, рожать детей, вести дом. И у меня есть муж, преуспевающий бизнесмен, есть трое любимых детей, есть красивый дом. Я – человек семьи, в жизни для меня главное не деньги, а творчество, контакт с людьми, их любовь.

– Что вы считаете главным из сделанного?

– Дети.

- Журналисты задают вам много разных вопросов. Какой из них вы не любите?
- Нет таких. Впрочем, не люблю, когда говорят что-то вроде – мол, вас уже пора выносить на сцену, а вы ещё держитесь – танцуете и так выглядите... Такой вот «комплимент».
- Что пожелаете нашим читателям?
- Пожелаю счастья и жить полегче. Хотя, может, это и нереально, потому что капитализм нелёгок.

Бизнес с добрым лицом крокодила

О бизнесе пишут по-разному, чаще всего – тяжело и косноязычно, как это заведено в деловой прозе. И лишь немногим удается это делать легко и весело. Зато у них получаются такие книжки, как, например, у Эдуарда УСПЕНСКОГО – «Бизнес крокодила Гены». Это о том, как предприимчивые протоквашинцы приумножают свои квашки (рубли по-нашему). Там тоже конкуренция и не до шуток, но Гена старается работать профессионально, и потому выглядит гораздо симпатичнее иных двуногих коллег, Мы попросили писателя ответить на несколько вопросов, имеющих некоторое отношение к бизнесу.

– Эдуард Николаевич, как вы себя чувствуете на пути к капитализму?

– Прекрасно. Я говорю лично о себе. Всю жизнь я ходил со связанными руками, на ногах ядро, во рту кляп. А теперь я могу говорить что хочу, писать что хочу и ездить куда хочу.

– А если говорить об остальных?

– Наверное, все эти реформы можно было сделать лучше. Я очень верил в «500 дней». Было понятно, с кого и что спрашивать. А сейчас такое впечатление, что все пущено на само-тек – как получится, так и получится.

– Похоже, если раньше у нас был культ духа, то теперь культ материи. Со всеми вытекающими последствиями. Во всяком случае, многое из того, что прежде считалось постыдным, теперь нормально.

– Сейчас такое время, что очень легко проявляются худшие качества, время провоцирует на худшее. Зато выделяется хорошее, его видно. Плохое тоже. Я думаю, что всё-таки верх возьмут многовековые традиции России, и наш бизнес будет отличаться от западного большей духовностью.

– Духовность в бизнесе? Что это такое?

– Мне пришлось побывать в Америке, и я беседовал с тамошними бизнесменами. И пришел к выводу, что если у наших богачей была традиция бросать деньги на строительство театра, как Морозов, или картинную галерею, как Третьяков, то в Америке ничего подобного не было. А если и было, то мотивы совершенно другие: меценатство как способ уйти от налогов. Если русский предприниматель вкладывал деньги, скажем, в цыганский хор и к его увлечению относились с уважением, то в Америке всем стало бы ясно: это сумасшедший. У нас, к счастью, пока нет такого культа рубля, как там культ доллара. Человек, у которого много долларов – великий человек. Если у нас семидесятилетний мужчина уже не знает, чем заняться, то там он и в девяносто продолжает делать деньги, и все считают, что это хорошо. Надеюсь, у нас такого не будет.

Впрочем, вы задаете мне такие вопросы, в которых я не специалист и странно, что я на них отвечаю.

– Тогда поговорим о детях. Леонид Мартынов как-то написал: «Какие хорошие выросли дети, у них удивительно ясные лица...» Вы с ним согласны?

– Дети, конечно, разные. Но на них обрушивается все больше стрессов, и потому становится все больше психов, больных. С экрана льются потоки злобы, а малыши потом боятся темноты. И вообще идет оглушение детей, они хуже воспринимают математику. Детского телевидения у нас никакого нет, детского радио тоже. У нас не занимаются ни пропагандой знания, ни воспитанием – сплошная развлекаловка. Да и чего можно ожидать – ведь те же люди, которые мешали мне работать всего несколько лет назад, и сейчас сидят на своих местах.

– Как вы стали писателем?

– Я был в школе пионервожатым, любил возиться с детьми. А заодно считался лучшим математиком. Потому поступил в Московский авиационный институт. Там много занимался

самодеятельностью, привык к сцене. А в 1967 году вышла книжка под названием «Четверо под одной обложкой». В ней были сатирические рассказы Арканова, Горина, Камова и мои.

– А как пришла идея написать «Лекции профессора Чайникова», «Бизнес крокодила Гены»?

– Я делал на радио передачи «Радионяня», «АБВГДейка» и понял, что многое для детей можно давать в занимательной форме. В школьных учебниках физика, например, разбросана по классам, и никак не складывается единая картина, как работает, например, радиоприемник. Вот я и решил написать. И сейчас вижу, что книжка нужна ребятам. Одна девочка недавно прислала письмо: «Я прочитала „Лекции профессора Чайникова“ семь раз».

По бизнесу детских учебников и вовсе нет. Я брал американские. Но я не собирался учить детей бизнесу, а просто хотел объяснить элементарные вещи. Например, что распорядиться деньгами можно тремя способами: закопать под яблоней, положить в банк или купить акции. И какой от этого в каждом случае будет толк.

– Как вы относитесь к юным предпринимателям, которые начинают свою карьеру с мойки машин?

– Вообще-то я не знаком с детским бизнесом. Но вот личные наблюдения. Едем на машине, видим – написано: «Мойка машин». Если б эта вывеска была бы в Голландии, там обязательно были бы ещё слова: «Стоит два гульдена». А у нас смотрят, что за машина, сколько можно взять с хозяина. И в зависимости от этого объявляют цену: три тысячи. Собираешься уезжать, говорят: «Мы и за тысячу помоем...» Это не бизнес, а обыкновенная спекуляция услугой.

– Судя по тому, что у вас теперь свое издательство «Самовар», вы тоже занимаетесь бизнесом? Кстати, издательство издает только ваши книги?

– Что касается бизнеса, то моя тут только творческая сторона, а об остальном думает директор издательства. Мы издаем веселые книжки для детей любых авторов. Моих тут всего две – «Грамота» и «Лекции профессора Чайникова», Зато издали, например, сказку для детей Андрея Усачева «Декларация прав человека». На очереди его же «Декларация прав ребенка». Уже вышло около десятка книг.

– Говорят, у вас выходит собрание сочинений?

– Да, десятитомник, но это собрание для детей. Туда не вошли мои скандальные письма в стихах, которые я рассылал в свое время в разные инстанции. Не вошли пьесы, сценарии. Но зато там есть все главные детские вещи.

– В ваших книгах много узнаваемых бытовых деталей, причем порой совсем не детских. Там и генерал Дубинин, директор военно-валяльной фабрики «Красный валенок» – секретного объекта, замаскированного под фабрику киноплёнки. И «малогабаритные» рабочие из далекой страны Кингконгии, которым пришлось по вкусу изобретение нашего инженера – собачья будка с дверцей. Они покупают такие будки и в них живут. А что если книжку прочитают вьетнамцы?

– Я об этом не думал, равно как и не собирался никого унижить. Важно другое: такая проблема есть в жизни, не я её придумал, и моё дело – обратить на неё внимание. Я был, например, в Набережных Челнах, где работали такие «кингконговцы», и знаю, что многие из них имели глистов, болели сифилисом, чем и одаривали товарищей по конвейеру. Жизнь есть жизнь, не я её формирую, но она проходит через меня. На пишущую машинку.

– А как относились к этому редакторы? Шарик, например, однажды заметил, что магазинное мясо костлявее рыночного. Правда, ему это понравилось. Фраза стала знаменитой, хоть все разбираются в мясе и без Шарика. Но он сказал об этом вслух...

– Эта реплика шла с диким скандалом. Вопрос стоял так: или уберете фразу, или не выйдет книжка. Да разве только это... Мультфильм про Чебурашку, например, сочли антипионерским. Видите ли, потому что пионеры собрали меньше металлолома, чем наши герои.

– Ваши персонажи – Матроскин, Чебурашка, крокодил Гена – выдумка или всё-таки среди нас ходят их прототипы?

– Ходят, конечно. Я не раз говорил, что, например, прообразом крокодила Гены послужил композитор Ян Френкель. Мы с ним работали вместе одно время, он помог наделять моего крокодила вполне конкретными человеческими чертами, вплоть до походки. Кстати, Ян об этом знал и не обижался.

– Будет ли продолжение простоквашинской эпопеи?

– Наверное, будет. Меня попросили продолжить работу. И у меня есть встречный интерес: строю дачу... Так что пора за дела.

Юрий Горный: Не бойтесь совершенства, оно вам не грозит

Скоро заслуженному артисту России Юрию Горному, известному мастеру психологических опытов, исполнится 60. Артист уверен, что за эти годы он заметно обогнал человечество в реализации интеллектуальных возможностей. «Гарантирую, – говорит он, – что в ближайшие 20 лет никто не сможет повторить мои любимые этюды».

ПРО ЮЛИЯ И ЮРИЯ

Этюды, надо сказать, впечатляют. Юлий Цезарь при всех своих талантах по сравнению с нашим современником – дилетант, клубная самодеятельность. Ну что там, сидя на коне, диктовать письма нескольким друзьям одновременно... Юрий Гаврилович действует так: левой рукой играет на рояле «Катюшу», правой пишет приветственное послание благожелательным зрителям, не переставая при этом декламировать стихи и возводить в четвертую степень двузначное число, которое ему предложат те же зрители. Ну а чтобы этого никому не показалось мало, артист запоминает ряд из 20 случайных цифр, на которые ему дают посмотреть не больше пяти секунд. Словом, никакому Юлию такого и не снилось.

Или, к примеру, такой вот номер: сидит маэстро за рулём автомобиля и едет по улицам нашей столицы. С завязанными глазами. Ситуацию на трассе умудряется держать под контролем, а потому остается время для исполнения на миниатюрном рояле чего-либо из популярных мелодий. Можно также занять и голову, возводя в степень двузначные числа.

Есть кое-что и из репертуара уличных мастеров иллюзиона – например, шарик с наперстками. Или колода карт, из которой маэстро в нужный момент мечет козыри. Конечно, без шулерства высокого класса тут не обходится, но играть с Горным никто не садится, даже если всё по-честному: ведь он способен запомнить не одну, а сразу три колоды карт. Ну как с таким специалистом играть...

Потом – стрельба по-македонски, с двух рук, предмет гордости спецназа. Но только артист стреляет, по своему обыкновению, с завязанными глазами. На сцене развешаны воздушные шарики, ассистент из публики хлопком в ладоши обозначает цель, и артист стреляет на звук, умудряясь при этом не уложить добровольца наповал. Спецслужбы уже не раз просили научить, но, видно, ученики попались слабые и потому повторить этот номер никто не может.

Впрочем, его номерами интересовались не только спецслужбы. Острый интерес вызвало, к примеру, умение освобождаться от наручников. Тут уж встречи с артистом искали и производители этой важной продукции, и, так сказать, рядовые потребители. Юрий Гаврилович от встреч уклонился, и потому милиция может спать спокойно.

Диапазон творчества артиста очень широк. Вот, скажем, такой редкий и полузабытый жанр, как буриме – искусство мгновенно сочинять стихи на заданные рифмы. Кричат, предположим, из зала некую абракадабру: зал – вокзал, трон – электрон. Даже поэту сразу не сообщить, о чём тут вообще может идти речь. Но не Горному.

– Я им тут же леплю:

Вот так. А вы говорите – поэзия, вдохновение... Но лично меня больше впечатлил, так сказать, телепатический номер – тем более что я сам в нём и участвовал. Для начала пришлось лишить артиста, как он выражается, зрительного канала восприятия. Иначе говоря, берёт он монету, накладывает на глаз, а сверху для верности ещё и липкой лентой прихватывает. Такое зрелище не все выдерживают, и я предлагаю просто завязать глаза – и дело с концом. Но артист упорствует: тут, мол, надо, чтобы всё было без дураков, иначе сразу же найдутся «догадливые» разоблачители. В общем, замуровали и соседний глаз, после чего наложили ещё какую-то прокладку – похоже, пластилиновую, – а уж затем обмотали повязкой. На стол же предварительно положили рядом два листа бумаги. На одном рисую всякую всячину – скрипичный ключ, фор-

мулу закона Ньютона... Потом к чистому листу подходит Юрий Гаврилович, уже без «зрительного канала», берёт фломастер и рисует то же самое. Как у него это получается – не знаю, раскрывать секрет он не стал. Сказал только, что никакой телепатии на свете нет, как, впрочем, и всяких других чудес. Зато чужие секреты мастер разоблачал очень охотно, но об этом позже.

А пока – кое-какие биографические подробности из жизни мастера.

УТВЕРЖДАТЬСЯ НАЧАЛ В БАНЕ

Горный – это псевдоним. А родом Юрий Яшков из села Локоть Алтайского края. В юные годы усердием и прилежным поведением не отличался, и из школы его в конце концов выгнали. Что касается характера... Помните Штирлица с его нордическими манерами? Так вот Горный – это Штирлиц наоборот. Характер у него холерический, тайфунообразный, энергия бьет ключом и своих, и чужих. Плюс хорошая спортивная форма: может с места вскочить на рояль. В общем, 60 ему никак не дашь. Так что можете себе представить, что было в 1980-м, когда в столице впервые появился Юрий Горный и, по его словам, «будто колуном по голове ударил трезвомыслящую публику». Учёный люд был в шоке от такого феномена.

– Как исполнитель я начал утверждаться в бане на Кропоткинской, где был самый большой бассейн, – рассказывает Юрий Гаврилович. – Я показывал этюды и трюки, зарабатывал деньги и авторитет. И тогда я сказал: здесь будет центр духовности. Мог ли я знать, что здесь возродится храм Христа Спасителя?

Но что же всё-таки было между школой и «ударом колуна»?

– У нас любят домогаться: где учился да какой вуз окончил... Я на это говорю: я нигде не учился, я сразу учителем стал. И преподавал профессорам, ставя их на место. Но вам скажу: учился в институте физкультуры.

Заметим, кстати, что будущий артист и до школы время не терял. «Интуитивно отслеженный в утробе матери механизм химиоархитектоники помог ему в процессе деятельности обучиться произвольному управлению правым и левым полушариями», – пишет директор Института мозга АМН академик О. Адрианов.

Что касается псевдонима, то он понадобился на заре артистической карьеры для нелегальных выступлений с психологическими этюдами.

Но почему же нелегальных?

– Для того, чтобы меня официально выпустили на сцену, нужно было давать взятки. А я этого не мог делать по нравственным соображениям, – объясняет Юрий Гаврилович. – Зато мог подделать любую подпись и даже гербовую печать. Вот и разъезжал по Алтаю с липовым документом.

Кроме псевдонима артист получил за эти года немало разных прозвищ, кличек и титулов:

– За то, что ещё в юности выполнил на комбайне 26 норм, меня прозвали Стахановым. В Барнауле – Яшиным, когда в ручной мяч взял семь штрафных бросков из девяти. Рихардом Зорге – это когда работал нелегально. За выступления, которые не под силу никому, в печати называли Моцартом психологических этюдов. За точное предсказание многих природных и социальных процессов – Нострадамусом современности. Сейчас называют Робеспьером психологии – за бескомпромиссную борьбу с дутыми знаменитостями.

И если маэстро отказывается от новых титулов, то, как вы уже поняли, вовсе не из скромности:

– Чиновники из нашего министерства культуры и отдыха мне часто говорили: Юрий Гаврилович, а почему вы на народного артиста не подаете? Но я же заслуженный артист в самом высоком искусстве – мышления. А вы мне предлагаете народного. Да и чем можно наградить творца, который остановил страну у пропасти идиотизма, когда противостоял телевизионным рукомахателям?..

ПО ПУТИ МАГОМЕТА

Удержать такую страну, как наша, от идиотизма – задача не из легких, и потому в биографии артиста есть нечто гоголевское. Во всяком случае несколько лет назад жена сожгла рукопись его первого произведения.

– Она решила, что эта штука будет посильнее «Окаянных дней» Бунина, – рассказывает он. – В книге я многих светил опускаю с пьедестала. Но сейчас мы с одним журналистом делаем новую, и там примерно сотня идолов будет показана в смешном виде. Не много ли на себя беру? Нет, не много. Пророк Магомет, когда пришёл в Мекку, сверг 360 идолов. Я считаю, что священных коров полезно иногда потрепать, чтобы они не выглядели слишком уж обронзовевшими. Или оборзевшими, что тоже нехорошо.

Дело в том, что Юрий Горный отрицает чудеса. Любые. И цитирует режиссера Бергмана, сказавшего, что жизнь сложна и без сверхъестественного, вполне достаточно биологии с психологией. А разделаться с идолами артисту помогает собственный метод «дискриминационного анализа»:

– После того как я своими выступлениями открыл эту тему для прессы и телевидения, как туда начали подтягиваться Джуны, Чумаки, Мзии-шмии... Шантрапа всякая. Ничего не знают и не умеют, но вокруг них создали миф некой значительности. Я говорю: кожного зрения нет – и тут же его демонстрирую... Потому что это блеф, психологический трюк. Трюки Лонго – банальность, незнание элементарной физики.

Фокусы Копперфилда я иногда показываю для забавы. Генетик Владимир Павлович Ефроимсон однажды сказал, что открыл у человека ген альтруизма. Тогда я ему сказал, что тоже открыл ещё один ген – аферизма. И он со мной согласился.

Пытаюсь возразить:

– Про Лонго не скажу, но вот что касается кожного зрения, то способности Розы Кулешовой изучали разные серьезные люди. И знаете – так и не разоблачили.

– Мало ли что вам академики говорят. Я экспериментатор, я это делаю, и это совсем не то, что вы думаете. Когда я решил объявить войну всяким проходимцам, то объявил конкурс. Пришли 450 человек – доктора наук, авторитет на авторитете. Все претендуют на то, что видят человека насквозь вместе с его болезнями. И я их всех тестировал. Ставлю за ширму человека и предлагаю продиагностировать. А то и манекен ставил. Так вот они у манекена язву находили... Блефовщики. Они у меня вызывают смех. То, что они делают, для меня не тайна, я могу это хоть сейчас повторить и любого научить. Вот говорят: мол, Геллер ложки гнёт. Да приведите с улицы десяток прохожих – и они у меня через полчаса будут ложки гнуть.

– А вы гнёте?

– Конечно.

– Может, попробуете?

– Ну вот, интересна мне пресса... Почему она <п...> и пропускает существенное? Вот Геллер запускал часы. А я в прямом эфире ленинградского телевидения в своё время сказал: товарищи, я могу пояснить, откуда ноги растут. Помахал руками и говорю: сейчас у всех не только часы заведутся, но и холодильники, стиральные машины, кофемолки. В результате – шквал звонков. Причем у одного даже нарисованные часы пошли... Поймите, что я очень хорошо, как любой профессор, знаю все науки – от нейропсихологии до медицинской генетики. Поэтому я и смог в своих этюдах объединить всё, что делали Мессинг, Кио, Шерешевский и многие другие. А самое главное – я помог отлучить миллионы людей от разнообразных экстрасенсов-мошенников.

ОТ ЗЭКА ДО ЦК

Десять тысяч выступлений – таков творческий итог сорока лет работы артиста.

– Выступал от зэка до ЦК, от НИИ до полевого стана, – вспоминает он. – Как относятся зрители? По-разному. Например, показывал свои этюды в одном селе. Всё идет хорошо, концерт в разгаре, а тут одна женщина и говорит: «Ну хватит дурачиться, пора и песни петь».

Вот так у нас относятся к интеллекту. Я это знаю и порой подыгрываю: осматриваю зал перед началом выступления, топаю ногой якобы для проверки резонанса. Мне это всё абсолютно не нужно, но зрители часто запоминают не опыты, а «магический ритуал».

Самые благодарные зрители – с художественным складом мышления, не склонные к критике. В их глазах мы все на одно лицо – и Кашпировский, и Чумак, и Горный.

– А где больше всего скептиков?

– В тюрьме. Там на первом месте борьба: неужели он и нас сможет провести? Кстати, в тюрьмах я выступал больше всех. Туда артистов не пускают, а у меня-то программа не развлекательная, а познавательная. Перед выступлением я всегда волнуюсь, но всё же в себе уверен: если я столько раз делал это, то почему же сейчас не получится? И вот ищу иголку. А прячут её мастера: воткнут в огуречный пупырик, привяжут нитку и проглотят. Потом книгу нахожу нужную в библиотеке и втыкаю эту иголку в заданное слово на определённой странице... Но когда я и таких зрителей переигрываю, то они аплодируют так, как клакеры в Большом театре не смогут.

БУДЬТЕ РЕАЛИСТАМИ, СТРЕМИТЕСЬ К НЕВОЗМОЖНОМУ

Эти слова написаны у входа в знаменитый сорбоннский университет. Юрию Горному они пришлись по душе, и он решил не только продемонстрировать соотечественникам свои уникальные способности, но и научить кое-чему всех желающих, и создал для этого свой центр «Идея».

– Сегодня нам нужна не только чистая природа, но и ясное мышление, – говорит он. – Заблуждения опасны для здоровья. Я предлагаю интеллектуальный тренинг – чтобы у вас не болела голова, сон был лучше. Могу научить, как улучшить память в несколько раз. Нам никогда не справиться ни с алкоголизмом, ни с наркоманией, если не будет сформирована система здорового досуга, чтобы люди не просиживали часами у телевизора.

Я даю своим ученикам направление совершенствования, а регулярные занятия стимулируют биологически активные вещества. В результате улучшается иммунная система, а с ней и весь организм.

– А чему учите конкретно?

– Ну, например, тому, как запомнить сразу два десятка имен-отчеств. Или длинный список дел на день. Учу и аутотренингу. Мой десятилетний внук, к примеру, может заставить себя не чувствовать боли. При этом он физически крепкий – 50 раз подтягивается, 100 раз отжимается. И учится хорошо, уже знает два языка. Кроме того я могу научить многому из того, что умею сам. Ведь зачем мне этот мастер-класс? «Долог и утомителен путь советов, краток и убедителен путь примеров».

Внук однажды сказал: «Дед, ты кроме своих психологических опытов ничего не знаешь. Спустись на землю». Вот я и спустился. С помощью интеллектуальной гимнастики мы в нашем центре научились снижать не только психологический возраст, но даже и биологический. Пусть ненамного – всего лет на пять-шесть. Поэтому приглашаем к нам всех, кто хочет помолодеть.

Сегодня на концерт пришли вы в этот зал,
В мир таинств торопясь, как путник на вокзал.
Здесь мысль, как бытия начальник – электрон,
Владычица чудес, возводится на трон.

Нужна школа свободных людей

Евгений Ямбург: Нужна школа свободных людей

Сколько экспериментов пережила школа! И производственное обучение, и обязательное всеобщее, и разнообразные уклоны... Учителя по-прежнему озабочены тем, как впихнуть в школьника побольше знаний, невзирая на перегрузку, но дело спасают репетиторы, дотягивающие конечный продукт до вузовских кондиций. А результат? В стране, обогнавшей весь мир по количеству ученого люда, хронические нелады в экономике, да и в политике не всё гладко. Почему так происходит? Ведь всё это – плоды трудов питомцев нашей школы, единой и общеобразовательной. Может, не тому и не так в ней учат? Об этом размышляет Евгений Александрович Ямбург, заслуженный учитель РФ, директор центра образования №109, доктор педагогических наук.

ПЕДАГОГИКА НОВОГО ВЕКА

Уходящий век продемонстрировал победу атавизма над воспитанием, ненависть к мысли. А заодно – и крушение старых мифов. Ещё с пушкинских времен была у нас такая наивная вера, что-де «темницы рухнут – и свобода нас примет радостно у входа». Темницы рухнули – и что же? В обществе царят растерянность, испуг и уныние. Едва вырвались из клетки, а многим уже захотелось обратно («А в тюрьме сейчас макароны дают», – переживает герой одной кинокомедии). Иного и не могло получиться на вырубленном поле нравственности. Теперь нужно заново выстраивать личность людей, потому что нельзя из рабов создать свободное государство. Свобода предполагает ответственность, а у нас вместо свободы много веков подряд, от Ивана Грозного до недавнего времени, – царила воля: хочу казнь, хочу милую. Поэтому главную задачу нынешнего воспитания я вижу в умножении свободы и ответственности. Чтобы жить по закону, нужно наращивать мускулы культуры, а это дело не одного поколения.

В русской культуре всегда на первом месте было государство, а на последнем – личность. «Раньше думай о Родине, а потом о себе». Людей нам не жалко, бабы новых нарожают... Помню, в семидесятые годы на горящем поле погиб, спасая трактор, Анатолий Мерзлов. Поступок юноши всколыхнул страну, многие считали это героизмом. Но трактор тот давно пошёл в металлолом, а человека нет. И ни одному горе-педагогу, учившему на этом примере своих питомцев, не пришло в голову: разве железо стоит человеческой жизни? А теперь мы удивляемся, почему у нас так много неопознанных погибших солдат. И что значит «пропавший без вести»? Он воевал в одиночку и исчез? Или командиры попросту не заинтересовались его судьбой? Я глубоко убеждён: человек, который не ценит собственную жизнь, не способен ценить и чужую. Изменить эту традицию – ещё одна задача педагогики нового века.

Много споров идёт о школьных программах, содержании уроков. По-моему, эти споры поверхностны. Какой должна быть педагогика – вот что важно. Более двух тысяч лет назад в культуре возобладала аристотелевская линия, дробящая мир на части. Возникла специализация, развивались ремёсла, и долгое время казалось, что это и есть верный путь цивилизации. Что ж, действительно, в наш век надо знать иностранные языки, владеть компьютером, водить машину. Ну а дальше-то что? Именно этот умелый и знающий человек сотворил и атомную бомбу, и Чернобыль, не раз затевал опустошительные войны – и оказался на краю пропасти. Катастрофа неизбежна, если не восстановить целостное восприятие мира. Прагматизму придётся потесниться и уступить место духовности. Но не той, примитивной, когда рассуждения о высоких материях вполне уживаются с грязью в туалете, – а с подлинной, которая не позволяет убивать ни природу, ни других людей. Если мы этого не сделаем, то будущее наше печально.

ЕСЛИ НЕ ДОХОДИТ ЧЕРЕЗ ГОЛОВУ

Давным-давно некий сержант, объяснявший нам, юным курсантам, устройство кумулятивной гранаты, высказал верную мысль: «Не дойдёт через голову – дойдет через руки». Вряд ли он был знаком с проблемами лево-, правополушарной асимметрии, но то, что одни ученики лучше усваивают материал теоретически, а другие – на практике, он знал твёрдо. Но эта очевидная истина по-прежнему недоступна многим педагогам. Попытки вложить в детские головы непомерное количество информации привели к хилому поколению да привычке к шпаргалкам. А педагоги снова оказались перед вопросом: чему и как учить?

Альтернативные школы, которые появились в Европе в начале века, а в последние десятилетия и у нас, провозгласили основой успеха свободное развитие личности. Эта система предполагает, что ученик сам способен выбрать такой путь образования, который приведёт его к наилучшим результатам. Нашу школу мы называем адаптивной, потому что стараемся помочь и «теоретикам», и «практикам». Педагогическое наблюдение за детьми начиная с детского сада позволяет к пятому классу выявить тех, кто справится с обилием теории в гимназических классах. Другие предпочтут общеобразовательный класс, а третьи, кому учёба даётся с трудом, смогут заниматься в классах поддержки, где медики и психологи помогут ребёнку решить свои проблемы. Причем система эта гибкая, и переход в класс с другой моделью обучения зависит только от успехов ученика и его желания. А класс поддержки мы вообще стараемся сделать временным: поддержали – и вперёд, в общеобразовательный класс, а то и в гимназию (редко, но и такое случается).

Не так давно мне пришлось беседовать с родителями, чьи дети-погодки учатся в гимназическом и общеобразовательном классах. На вопрос, кто из них чувствует себя лучше, родители ответить не смогли. Старшая девочка всё свободное время сидит за книжками, читает много дополнительной литературы и вполне довольна, а её сестра увлечена школьными походами, экспедициями и счастлива по-своему. С переходом на 12-летку два старших класса останутся только для тех, кто решил поступать в вуз. Нам легко перейти на эту систему, потому что за четверть века существования нашей школы у нас отработана похожая модель: есть физико-математический класс, медико-биологический, гуманитарный... Одних только девятых классов – около десятка. Есть классы для детей, которые ещё не выбрали свой путь. И в этом – суть вариативной системы образования. На смену лицемерному принципу: «Нет плохих учеников, а есть плохие учителя», который привел к педагогической халтуре, пришел другой: «Кесарю – кесарево, а слесарю – слесарево». Кому дифференциальное исчисление, а кому парикмахерская и кузница, которые у нас тоже есть. Не надо никого заставлять учиться, это бесполезно. Ученику надо помогать, и не его подстраивать к программе, а программу к нему. Это не значит, что кто-то окажется обделён: стандартный объём знаний получают все.

Изменились ли наши ученики? Конечно. Они не зашорены, как мы, стали внутренне свободнее и назад в клетку уже не пойдут.

ПРО ДОБРО С КУЛАКАМИ

Ещё не так давно мы были уверены, что добро непременно должно быть с кулаками. Но мир, как видим, не становится от этого добрее, и теперь в ходу другие стихи, ироничные:

Прав был философ: дьявол начинается с ангела, который с пеной у рта вступает в борьбу за правое дело. А проблема в том, что если поверхностной истине противостоит ложь, то более глубокой истине – точно такая же глубокая истина (к примеру: право наций на самоопределение – и территориальная целостность как условие выживания государства). Столкнутся две такие истины – и в дело идут гранатометы. Поэтому задача педагога – научить людей жить на перекрестке различных точек зрения. Времена, когда одни думают, а другие слепо выполняют их задумки, уходят в прошлое. Истинно нравственное бытие человека в том, чтобы каждый день на внутренних весах взвешивать все за и против и уметь отвечать за свои решения. И мы должны научить культуре диалога, умению спорить не ссорясь, ради поиска истины.

А споры в России много веков одни и те же: на Запад идти или на Восток? Москва – Третий Рим или нет? И трудно себе представить, чтобы, скажем, славянофил Хомяков искал компромат на западника Грановского...

И ещё обязательно нужно учить школьников умению вести диалог с мёртвыми. Не надо воображать, что мы очень поумнели по сравнению с древними мудрецами, но не стоит и поддаваться магии авторитетов. Но даже для того, чтобы читать книги, надо много знать. Вот скажите: за что Бог изгнал людей из рая? За то, что вкусили плоды с дерева познания? Но разве знать – это плохо? А дело в том, что в Древней Греция слово «познать» означало «овладеть». Это то самое, о чём у нас слагали песни: «Нам нет преград ни в море, ни на суше». Именно с этим боролся Всевышний и был, как мы теперь понимаем, совершенно прав.

К чему я это говорю? К тому, что нетерпимость наша, стремление к кулачным аргументам – от нехватки культуры, от невежества. Когда не хватает слов, руки тянутся к гранатомету.

СВЯТОЕ ВОИНСТВО ДУШИ

Как подготовить растущего человека к свободе? Как вытеснить разболтанность, своеволие и эгоизм, эти оборотные стороны детской активности и жизнелюбия? Убеждён, что ответственное отношение к жизни лучше всего формируется через сострадание, когда чужая беда принимается близко к сердцу. Тогда рушится природный эгоизм, появляется стремление прийти на помощь, взять на себя ответственность. Сострадание, между прочим, традиционная черта русского характера. Недаром в знаменитом тихомировском букваре, выдержавшем 156 изданий, имелся специальный раздел: «Нищета. Сиротство. Сострадание». Там, в частности, было и такое стихотворение А. Н. Плещеева:

Потом настала пора, когда сострадание высмеивалось. Многим и сейчас эти строки покажутся слезливыми, сентиментальными и не в духе века. Чего ж тогда удивляться, что люди, которым нужна помощь и участие, часто чувствуют себя чужими в собственной стране. Но как воспитывать милосердие и сострадание в школе? Думаю, что у нас есть для этого прекрасные полигоны – конюшня и пони-клуб, курятник и кроликоферма. Лечить больного кролика, ухаживать за пони, присутствовать при рождении новой жизни – всё это помогает направить активность детей на созидание, а не на разрушение.

И вот ещё что важно: умение скакать на лошади, водить шлюпку, автомобиль, делать современные причёски укрепляет самоуважение подростка. Ведь известно, что подростковая агрессивность часто идет от ощущения собственной неполноценности, от неумения найти контакт со взрослым миром. И только воспитав у ребенка на школьных образцах доверие к разумной жизни, уверенность в себе, можно заняться и развитием критического мышления. Вопреки мнению классика, не стоит подвергать всё сомнению, тем более без нравственного фундамента. Под лозунгом воспитания критически мыслящей, свободной личности уже появилось множество беспринципных умников, способных осложнить не только собственную жизнь. Поэтому признание универсальности общечеловеческих нравственных начал – вот тот максимум, к которому должна стремиться школа. Поэт точно обозначил эти начала: «Совесть, благородство и достоинство – вот оно, святое наше воинство». А всё остальное можно и пообсуждать.

ДЕЛАТЬ ЖИЗНЬ С КОГО

Школа будущего, воспитание нового человека... Какие привычные слова. Но вы представьте, что я предложу матери ребенка: «Я воспитаю вашего сына человеком, который на 30—40 лет опередит свое время. Он скорее всего будет несчастен, как и любой первопроходец, но потомки его оценят». Что, интересно, ответит мать?

Молодой преподаватель саратовской гимназии Чернышевский пытался отговорить свою невесту от брака: «С моей стороны было бы низостью, подлостью связывать со своей жизнью ещё чью-нибудь потому, что я не уверен в том, долго ли я буду пользоваться жизнью и свободой... Я делаю здесь такие вещи, которые пахнут каторгой, – я такие вещи говорю

в классе», – писал он. Любопытно: связать свою судьбу с женщиной – низость и подлость, а говорить в классе вещи, которые пахнут каторгой, – вполне нормально. Куда же звал он своих учеников, какую судьбу им готовил?

Зато другой педагог – Януш Корчак – считал, что детей надо учить разумным компромиссам, готовить к реальной жизни в конкретном государстве. Кто из них прав? И как быть с такими героями-одиночками, как Сахаров, Солженицын, генерал Григоренко? Отдавая дань борцам за идею, людям с обостренной совестью, всё же признаемся: такие герои всегда обладают особым талантом ходить непроторенными путями, сознавая свою особую миссию на земле. Все они живут по формуле Лютера: «На том стою и не могу иначе». Но много ли в истории людей подобного масштаба? Человек, попавший в чужую колею и взваливший на себя непосильный груз, выглядит жалко. Отсюда и сломанные судьбы, и горькое чувство ущербности. Поэтому я не разделяю мнения Маяковского насчёт того, с кого надо «делать жизнь», и часто повторяю школьникам строки другого поэта – Левитанского: «Каждый выбирает по себе – женщину, религию, дорогу, дьяволу служить или пророку – каждый выбирает по себе». Обществу нужны реформаторы, но нужны и люди, несущие груз повседневных рутинных забот. Что касается меня, то я в душе строитель, мне нравится, когда пахнет краской и когда чисты туалеты. Мне интересно не разрушать, а создавать, но для этого приходится идти на компромиссы. Я честно говорю об этом детям и не зову их за собой. Пусть выбирают по себе. Навязывать своё миропонимание – значит считать его эталонным. Лучше уж натолкнуть на размышление, привить вкус к анализу. Для собственной жизни не годятся чужие образцы.

На исходе века взял и ниспроверг
Злого человека добрый человек.
Из гранатомета – шлёп его, козла!
Стало быть, добро-то посильнее зла...

...У одних могила
Рано мать взяла,
У других нет в зиму
Теплого угла.
Если приведется
Встретить вам таких,
Вы как братьев, детки,
Приголубьте их.

Как нам образовывать образование

История нашего образования – это история реформ. Что, впрочем, не мешает нам привычно гордиться тем, что имеем. Чем обернется для страны очередная радикальная реформа? Об этом мы беседуем с заслуженным учителем России, депутатом Мосгордумы, председателем комиссии по образованию Евгением БУНИМОВИЧЕМ.

– У нас привыкли гордиться отечественным образованием. А вот уровнем жизни гордиться уже труднее. В чём тут дело? И как исправить положение?

– Давайте посмотрим, что стоит за этим расхожим клише. Само по себе образование не может быть ни хорошим, ни плохим, всё зависит от критериев оценки. Главный, на мой взгляд, такой: дадут ли знания, полученные человеком, возможность жить во благо себе и обществу?

Я изучал разные системы образования, в том числе французскую, от детсада до университета. Она похожа на нашу, и я видел, что лучше у нас, а что у них. Но если придёте, к примеру, во французскую больницу, то словно попадёте на другую планету. То есть учимся примерно одинаково, а результаты разные, где же изъян?

В конце концов я понял, что проблема начинается за порогом вуза, после учёбы. Если западный человек добросовестно учился в хорошем учебном заведении, то и жить он будет неплохо. Причём дело не только в доходах, но и в отношении общества к грамотному специалисту. У нас же такой связи нет, а годы перемен наглядно показали, кто нами руководит. Зачастую это обыкновенные троечники, и я как учитель узнаю их с первого взгляда. Их ценят совсем за другие таланты, которые не имеют никакого отношения к школе. Поэтому мы можем сколько угодно затевать реформы, но пока у педагогов будет свой ответ на вопрос, что значит хорошее образование, а у общества – свой, жизнь не изменится к лучшему.

Как члену президиума Федерального экспертного совета по образованию мне приходится участвовать в обсуждении новых учебников. И вот комиссии предлагается учебник машинописи для ПТУ. Я удивлен: кому это сегодня нужно? Речь ведь идет не о работе с информацией и даже не о компьютере. Можно прекрасно учить ненужным вещам, а потом удивляться, почему отличники бедствуют. Связь между образованием и качеством жизни у наших ребят появляется лишь тогда, когда они уезжают после университета за границу. А надо, чтоб так было у нас.

– Были ли в России в этом смысле лучшие времена?

– Думаю, что в 60-е годы, когда мы запустили первый спутник, образование соответствовало запросам общества. Само общество, может, и не всем нравилось, но задачи, которые оно ставило перед школой, решались. Кстати, именно этот факт привел американцев к выводу, что им нужно менять свою школьную систему.

Мы часто слышим слова: мол, раньше было такое замечательное образование – зачем нам что-то менять? Затем и менять, чтобы оно могло оставаться замечательным. Ведь при всех достоинствах в нашей школе есть вещи совершенно провальные. Обратите внимание: в любом международном аэропорту каждый человек может связать хоть несколько слов по-английски. Кроме... российских туристов, которые владеют языком обычно на уровне «ту ти ту ту ту» – два чая в двести двадцать второй номер... Может, наши знают и не меньше других, но при этом безумно зажаты и потому ничего не могут сказать.

А если знания лежат мертвым грузом, значит, учили не так или не тому, причем ни учитель, ни сам ученик не думали, что наука пригодится в жизни. И касается это не только иностранных языков. Вот почему и нужна реформа.

– Передо мной лежит Федеральный закон об образовании 1992 года. Все в нём хорошо – государство гарантирует общедоступность и бесплатность образования, устанавливает стандарты и всё такое. Что тут менять?

– Да, ЮНЕСКО признало наш закон об образовании одним из лучших в мире. Но он содержит всего лишь перечень мечтаний, там нет механизмов, как это осуществить. Да и не всё можно реализовать. Например, написано, что зарплата учителей должна равняться средней по промышленности. Это цель, к ней следовало двигаться, но, увы, теперь пресловутый 122-й закон радикально всё изменил, статья о зарплате снята, равно как не осталось следов и от государственных гарантий. Исчезли даже те механизмы, что были.

Зато появляется, например, частичная платность среднего образования на фоне бесплатного стандарта. А что такое стандарт? Министр, отметив перегрузку учеников, предложил снять четверть программы. Так что, только оставшуюся часть финансировать? Сегодня школа тоже имеет право оказывать платные услуги, но это хотят ввести в систему, начиная с первого класса.

Не буду говорить о последствиях для самого образования, скажу лишь, что это сулит обществу. Если мы с ранних лет организуем классы, где родители имеют возможность платить, а детей из семей победнее будем учить отдельно, то вскоре общество получит абсолютно несменяемую элиту. Ведь образование дает шанс человеку выйти на более высокий уровень, чем родители, но нынешняя элита не хочет этого и потому стремится избежать такой перспективы.

Зато маячит другая перспектива, более мрачная. Ребята, обделенные образованием, в конце концов выйдут на майдан, но в отличие от украинского совсем не мирный, и мы сами готовим его непродуманными реформами.

Конечно, жизнь в условиях рынка неизбежно касается всех, но надо понимать разницу между магазином и школой. Гораздо выгоднее, например, освободить здание от учеников и учителей и разместить там оптовый рынок. Выгоднее – если хотите получить прибыль в ближайший понедельник. Но нельзя забывать, что в нынешнем веке эффективность вложений в образование уступает только добыче нефти и газа. Это подсчёты серьезных экономистов. Кто сегодня экономит на знаниях, завтра отстанет навсегда. К примеру, в США треть внутреннего валового продукта даёт экономика, построенная на высоких технологиях. Поэтому слова «эффективная школа» означают не солидную сумму, собранную с родителей, а такое качество образования, которое сделает нашу жизнь богаче.

– Но как реформировать школу, если и в школах, и в министерстве на руководящих постах – люди старой закалки?

– Даже самые прогрессивные люди хорошо относятся к своему детству, к школьным и студенческим годам. Зачем, мол, что-то менять. Это естественно, и выход тут один: не закидать внутри образовательного сообщества, вступать в диалог с представителями бизнеса, производства. Обязательно нужно привлекать и психологов, и детских физиологов, на мнение которых сегодня мало кто обращает внимание.

Вместо этого у нас почему-то всё время закликиваются на частностях и ставят телегу впереди лошади. Например, спорят, нужна ли 12-летка. Но прежде чем определять сроки, сначала надо понять, чему учиться, как именно и в какой атмосфере. Если школа – это казарма, а то и тюрьма, то чем меньше срок, тем лучше.

Или споры насчёт единого государственного экзамена. Сторонники ЕГЭ считают, что с его помощью можно решить все проблемы, противники – что он все загубит. Но это абсурд, образовательная кукуруза: мол, введём единый экзамен – и завтра будет всем счастье. Главное же не в экзамене, потому что проблема лежит не на стыке школа – вуз, а на рубеже вуз – жизнь. Необходимо, чтобы знания, которые даются в учебном заведении, были кому-то нужны, а у нас три четверти выпускников вузов не идут работать по специальности. Эту проблему не решить только внутри образования, потому что нельзя реформировать систему изнутри.

Именно тогда и была провалена административная реформа, когда её поручили чиновникам. Так же провалится и школьная, если её отдадут учителям. Ведь до сих пор в школе нет никакой иерархии знаний, их наваливают на ученика без разбору. Споря о стандартах образования, предлагаем географам написать стандарт по географии, математикам – по математике... Но давно замечено: специалист подобен флюсу, и в результате на голову школьника обрушивается поток информации по принципу: чем больше, тем лучше.

– Почему же у нас такой хронический разрыв между школой и жизнью?

– Потому что социальный заказ образованию должна формулировать не школа, а общество. Странность нашей реформы в том, что варимся в собственном соку и сами придумываем себе задачи: сейчас вроде бы нужны экономисты, юристы. Конечно, основы экономики, права в школе нужны. Каждый гражданин в своё время придет на избирательный участок и будет решать, как жить стране дальше. Он должен хорошо представлять свои права и обязанности, а в политических программах отличать реальности от популистской болтовни. Более того, я считаю, что одна из целей школы – воспитание грамотного электората, Заинтересована ли в этом власть? Не знаю. Нужно ли улучшать образование, если это может привести к потере послушных избирателей?

Реформа требует системного подхода, которого сегодня нет. Министерство образования должно формулировать запросы других ведомств, предпринимателей, общества в целом, быть посредником между ними и отвечать на вопрос: что требуется от системы образования? Сегодня этого нет.

И ещё – необходимы подготовленные кадры. Можно менять вывески, назвать школы гимназиями, а ПТУ – колледжами, но суть-то от этого не меняется. Да, основы экономических знаний полезны, но если мне сегодня предложат отдать час математики в пользу экономики, я не соглашусь. Потому что знаю: на математике любой учитель научит ребят по крайней мере решать квадратные уравнения. А учить экономике приходят зачастую дети лейтенанта Шмидта, которые сами с её основами познакомились вчера с утра.

Сформировать новый предмет очень трудно, должны быть и методики, и преподаватели. Экологи толкуют об экологии, хотят ввести новый предмет. Но у нас есть биология, география, химия – есть все то, о чем они говорят. Надо проанализировать эти предметы с точки зрения экологии. Может, школьников не тому учат? Тогда вы так и скажите, а не требуйте лишний час, который никого не спасет, но ученик будет пухнуть от перегрузок.

– У многих вузов есть так называемые базовые школы. Учишься в такой школе – считай, что шансы стать студентом у тебя неплохие. А будешь поступать в вуз с улицы – извини. Как вы на это смотрите?

– Всю жизнь я выпускаю математические, биологические, химические и другие профильные классы. Ребята успешно поступают в институты, и мы чувствуем связь с высшей школой. И вдруг в начале 90-х школьникам стало ясно, что для того, чтобы хорошо жить, надо идти не в университет, а торговать в ларьке у метро. И связь нарушилась, пропал конкурс в вузы. Профессора, преподаватели начали её восстанавливать, пошли в школы. Восстановили, даже с перебором: появился совмещенный экзамен, выпускной в школе – вступительный в вуз. Министерство теперь это запретило, но всё равно связи должны быть, чтобы вуз мог контролировать качество школьного образования. В своей базовой школе вузовские преподаватели видят школьников, и это очень важно. Я ведь знал и таких профессоров, которые спрашивали у абитуриентов то, что было в программе 30 лет назад, когда они сами учились в школе.

Не случайно одна из полезных вещей, которую предлагает школа, – это профилизация образования. Как учитель я вижу, что в старших классах это происходит стихийно, потому что ни ученик, ни его родители не хотят тратить время на очень среднюю школу, где учат всему и ничему как следует. Сколько, например, должно быть математики в выпускном классе – три часа, пять или все десять? Выбирать должен сам ученик. Это пример той осмысленной части

реформы, где есть запросы со стороны общества или хотя бы родителей, которые чувствуют ответственность за ребенка.

– Говоря об успехах реформы, вы очень осторожны. Руки не опускаются?

– Бывает и такое. Понимаете, я привык работать с толковыми учениками – один раз объясню, другой, а на третий поймут все. Но когда на коллегии Минобразования говорю то же самое в 25-й раз – это меня пугает. Я сейчас, например, перечитал свою старую статью по поводу введения в школе начальной военной подготовки. Её можно снова печатать в том же виде... В своих реформах мы всё время топчемся на месте.

И всё же что-то получается, хотя большая часть трудов уходит на борьбу с идиотизмом. Например, сумели отреагировать в Москве на федеральный закон, который лишил и учителей, и учеников дополнительного финансирования. Известно, что обучение детей в гимназиях, лицеях стоит дороже, чем в обычных школах, а обучение детей-инвалидов стоит ещё больше. В Москве пока удалось сохранить это разнообразие образования, иначе бы все гимназии стали платными, а учителя лишились надбавок. Я полгода работал над тем, чтобы этого не произошло, и в школах никто ничего не заметил. Но когда на уровне страны лишают гарантий образования, плыть против течения трудно.

Когда пенсионерам стало хуже – они вышли на улицы. Посмотрим, как отреагируют учителя в регионах, лишившись надбавок к зарплате.

– Вы продолжаете преподавать в школе?

– Да, хотя работы хватает и в Думе. Меня часто спрашивают: зачем? Дело в том, что ученики дают мне не меньше, чем я им. Во всяком случае, когда я их вижу, то понимаю, что главная «защита от дурака» в нашем обществе – это они. Ведь, несмотря ни на что, в нашей неразберихе выросло уже целое поколение, которое много чего понимает, и я за него спокоен. У меня только вопрос к государству: будут ли наши ребята востребованы здесь, дома? Ведь это единственная надежда на нормальное будущее.

Педагогика для всех

На вопрос, как не надо воспитывать своих детей, многие ответят, не задумываясь. Но кто скажет, как надо?

Для писателя и педагога Симона СОЛОВЕЙЧИКА этот вопрос стал главным в творчестве. Давно уже исчезли с прилавков магазинов такие его книги, как «Час ученичества», «Учение с увлечением», «Воспитание творчеством», опубликованы десятки статей в газетах и журналах. И все же Симон Львович считает, что мы только подходим к правильным ответам. Потому и наш сегодняшний разговор – всего лишь продолжение неисчерпаемой темы.

– Симон Львович, вечный вопрос – как воспитывать собственных детей – остается, наверное, одним из самых спорных, потому что точек зрения на этот счет множество. Одни полагают, что ребенок сам по себе – никакой, ни плохой, ни хороший, и надо просто лепить из него то, что считаешь нужным. Другие убеждены, что воспитание – это постепенное искоренение недостатков в ребенке. Третьи склонны пустить всё на самотек, поскольку в школе есть учителя, отвечающие за воспитание. Словом, каждый тут сам себе авторитет. А что вы думаете по этому поводу?

– По образованию я педагог и занимаюсь с детьми уже больше тридцати лет. Поэтому глубоко убеждён, что воспитание – это не единоборство взрослого и ребенка, а постепенное строительство души маленького человека. Робко следуя за Сухомлинским, я считаю, что недостатки уходят сами собой, когда их вытесняют достоинства. И если я воспитываю человека, то должен в первую очередь заботиться о его достоинствах, строить его гордую душу, и тогда эти достоинства рано или поздно победят.

– Нет ли тут преувеличения? На свете много примеров, когда воспитатели, действуя самыми непедagogичными методами, всё же добиваются нужных результатов. Разве идеальным было детство, скажем, у Горького?

– Таких примеров, действительно, много, и здравый смысл подсказывает нам, будто всё, что было, вело к цели. Но давайте отделим существенное от случайного. Да, и в бурсе вырастали Помяловские, но не потому, что там издевались над детьми, а потому, что и в бурсе были свои «издержки»: не во всех учениках ей удавалось убить человека. И Горький своими лучшими чертами обязан вовсе не деду с его розгами, а бабушке, которую Алексей Максимович называл «матерью всех людей». Бабушка любила людей, и эта любовь передалась мальчику.

Короче говоря, тут надо понять, от чего хорошее, а от чего дурное. Я много лет думаю о семейном воспитании и убеждён, что всякое насилие над ребёнком порождает в нём ответное зло. И потом, борясь со злом, мы всегда порождаем зло ещё большее, но только не замечаем этого.

Помню, был я в гостях у своего знакомого, Мы разговаривали, как вдруг вбегает возбуждённый внук и прямо с порога: «Дедушка, дедушка, послушай!..» Мой собеседник строго говорит: «Ты разве не видишь, что у меня гости? Тебе же говорили, что нельзя вмешиваться, когда старшие разговаривают!» Сконфуженный малыш ушёл. Вроде бы, всё правильно? Старший воспитывает младшего. Но при этом он учит, что можно осадить человека при посторонних. Что отношение к людям может быть разным, и недопустимое со взрослым – норма с ребёнком. Мне возразят: мол, что же теперь, совсем не делать замечаний? Что же тогда получится?

Отвечу: делать, но при этом десять раз подумать. Хорошо воспитанный человек, как ни странно, за всю жизнь получает не более двух-трех замечаний. Я сам видел детей, которые выросли без единого замечания. Они резко отличаются от других людей своей доброжелательностью, готовностью прощать. При этом они прекрасно умеют отстаивать свои интересы, потому что твёрдость вовсе не означает стремления всех вокруг переделывать, а воля

совсем не сродни враждебности. Многие думают, что воля – это умение подчинять себе других. На самом же деле – это умение руководить самим собой. И вместо того, чтобы воспитывать в ребенке волю преодоления и разрушения, куда важнее воспитать в нём волю созидания, творчества.

– С этим утверждением наверняка поспорили бы многие родители, которые опасаются вырастить «мямлю». Я, например, знаю одного молодого папу, который хочет видеть своего сына «настоящим мужчиной» и вполне серьёзно учит трехлетнего ребёнка барабанить ребром ладошки по табуретке, чтобы в будущем эта ладошка валила противника с одного удара. Легко догадаться, что в этой семье спокойно относятся и к наказаниям.

– Знакомая картина. Мне, встречался отец, который учил своего сына бить вторым, отвечая на удар. Но если мы будем говорить о количестве и качестве необходимых ударов, то речь пойдет уже не о душе, а о мускулах. Поэтому я бы разделил эти понятия: физическую силу, которая, конечно же, полезна всякому мальчишке, и нравственное отношение к людям, что, собственно, и составляет цель любого воспитания. Это отношение зависит от того, кого человек видит в людях – врагов или друзей?

Безусловно, вопрос этот не простой, потому что дети наши растут не в идеальных коллективах и со временем попадают в дворový мир, где, подчас, господствует сила. Коллективы с такими же принципами могут быть и в школе, поскольку, повторяю, до идеала ещё далеко. И вот пока ребенок не вырастет, то есть до 8—9-го класса, его нередко бьют, если он не может дать сдачи. Что делать? Учить драться? Но на каждого сильного всегда найдется кто-то посильнее, а то и просто слабые соберутся вместе, и поэтому нельзя строить жизнь в расчёте на поединок с бандитом. Зато навредить с такой наукой очень легко. Один папа, например, когда его сын приходил с улицы избитый, каждый раз добавлял ему за неумение дать сдачи. Сил от этого у ребенка, естественно, не прибавлялось, и он рос совершенно забитым. Оправился он только годам к 14—15, когда дети начинают ценить доброту и справедливость. Если есть в человеке эти качества, то, как правило, найдутся и защитники.

– Симон Львович, поколения родителей меняются, но мнение, что «раньше дети были лучше», остается. Так считали за тысячелетия до нас, многие согласны с этим и сейчас.

– Как вам сказать... Первое, что приходит на ум, – послевоенные годы, когда я начинал работать с детьми, Сравнивая со своими первыми питомцами современных детей, скажу, что нынешние – сушие ангелы. Впрочем, я бы поставил вопрос по-другому. Я заметил, что родители делятся на две категории: если с ребенком неладно, то при этом одни винят детей, другие – себя. Точка зрения зависит от отношений с собственными детьми.

Но интересно, что те, у кого есть контакт со своими детьми, склонны любить и всех остальных. На мой взгляд, это вполне закономерно. Хорошие дети вырастают там, где любят всех детей и всех людей. Этим и отличается слепая любовь от мудрой. Кому не знакомы такие разговоры: мол, мы для него ничего не жалели, а он... И следует вывод: не надо было баловать. Но разве дело в вещах? Вещи сами по себе нейтральны. Многие из знаменитостей прошлых веков, у которых мы теперь учимся нравственности, выросли в потрясающей роскоши, за всю жизнь ни разу не надев самостоятельно собственных башмаков. И ничего, это их не испортило, потому что секрет в другом: любят ли родители всех или только «своих».

Точно так же нейтрален и труд, а иначе рабы были бы образцом нравственности. Но разве в нищете и тяжёлом труде не вырастают плохие дети? Сколько угодно. Вот потому-то и нельзя рассматривать педагогику как набор готовых приемов: ведь трудность заключается в том, что одни и те же приемы могут давать разный результат. Тогда мы говорим: важна личность педагога. Но что именно в этой личности влияет на ребенка? По моим представлениям, на первом месте стоят такие вечные человеческие ценности, как любовь к людям, вера в правду, стремление к красоте. Эти ценности в большей или меньшей степени есть в каждом человеке, потому что есть в народе. И мне кажется, родительская педагогика должна основываться не столько

на психологии, сколько на этике, общественной совести. Ведь что такое СО-ВЕСТЬ? Это совместное знание того, что для человека есть добро, а что – зло.

Мне сотни раз приходилось убеждаться в том, что воспитание на сто процентов зависит от веры в ребенка. Если мать с того момента, как узнала, что у неё будет ребенок, верит, что он вырастет добрым человеком, то скорее всего так и будет. Если же будет подозревать в нём худшее, то искалечит его нравственно.

– В только что опубликованном проекте ЦК КПСС о школьной реформе говорится о необходимости повысить ответственность родителей за воспитание детей, о развертывании системы педагогического всеобуча. Может быть, скоро в школьных расписаниях появится новый предмет – основы педагогики? Наверняка это будет один из самых нужных предметов: ведь родителями становятся практически все. И даже фантасты, прогнозируя общество будущего, говорят об экзаменах, которые придется сдавать молодёжкам, на право иметь и воспитывать детей.

– Думаю, что когда-нибудь так и будет, но пока для этого ещё предстоит многое сделать. Ну, начать с главного: чему учить будущих родителей? Многим кажется, что семейная педагогика – это школьная, но только популярно изложенная. Это ошибка. Если в школе педагог имеет дело с большим детским коллективом, то для современной семьи, где, как правило, один-два ребёнка, а родители практически весь день на работе, нужны совсем другие приёмы. Даже Макаренко, наш крупнейший авторитет в коллективном воспитании, называл семью с одним ребенком неполной и не очень представлял, как можно воспитывать одного, потому что делать это гораздо труднее,

И, наконец, главная трудность. Школьная педагогика рассчитана не на всех, а только на способных и нравственных людей, и предполагается, что педагог именно таков. Но ведь родители очень разные, есть среди них и безнравственные, и никакие методы им не помогут.

– Но как тогда быть молодым родителям, которым сейчас надо решать свои проблемы? Не ждать же, пока появится эффективная массовая педагогика для всех.

– На их месте я бы не искал чудодейственных педагогических методик, которых просто нет, а задумался бы: что я должен знать про самого себя, чтобы у меня выросли хорошие дети?

По-моему, критерий, который определяет успехи воспитателя, заключается в том, верит человек в правду или нет. Если да, то его дети, как правило, вырастают хорошими. Если же никто в семье не верит в неё, то дела плохи.

Этот вывод может показаться банальным. И тем не менее...

По каким законам живёт школа?

Школьница из Пермской области Ольга Никонова провела на этот счет специальное исследование и пришла к выводу, что наша типичная школа живет по законам зоны (кстати, эта работа вошла в число лучших на Всероссийском конкурсе, который уже много лет проходит на базе одной из московских школ). С таким выводом согласен и москвич Александр Наумович ТУБЕЛЬСКИЙ, заслуженный учитель России, генеральный директор научно-педагогического объединения «Школа самоопределения», президент Ассоциации демократических школ России. Но школа, которую он возглавляет, нетипичная, и потому здесь установили свои законы, для свободных людей. Как это удалось?

– Когда меня спрашивают, как избавиться в школе от законов зоны, я говорю: избавление – внутри каждого из нас, от директора до ученика, – говорит Александр Наумович. – Если взрослый действует, как надзиратель, то даже самые хорошие законы останутся на бумаге. Ему надо менять себя, потому что дети острее нас чувствуют справедливость. Альтернативой школьной казарме должна стать школа демократическая. Причем учить демократии надо не по книжкам, а создавать здесь такой уклад, чтобы росли будущие граждане, а не «деды».

– Давайте лучше поговорим о практике. Разве у вас не бывало случаев, когда, к примеру, старшеклассники вымогают деньги у малышей? Или крадут приглянувшиеся вещи у соседа?

– У нас бывало всякое. Лет 15 назад, когда я только пришёл сюда, мне регулярно били стекла в кабинете. Те самые ребята, от которых стонут многие школы. Теперь у нас хулиганов нет. Мы от них не избавлялись, они сами перевелись, потому что у детей есть защита – школьный закон о защите чести и достоинства. Лет десять назад его обсуждали и принимали все ребята на общем сборе. Обсуждали, что такое честь, что такое достоинство и как их защищать. С тех пор ребята ежегодно выбирают суд чести – самых справедливых учеников и учителей. И каждый школьник может обратиться туда. Был, например, такой случай. Мальчик дежурил по раздевалке и намеренно небрежно подал девочке куртку так, что умудрился испортить, да ещё и нагрубил. Дело кончилось судом. Вариант чистки не прошел, и парню пришлось заработать деньги и оплатить стоимость куртки.

Причем ещё ни разу не было такого, чтобы кто-то пытался отомстить обратившемуся в этот суд.

– Чудеса... Выходит, в не слишком законопослушной стране удалось создать этакий правовой оазис?

– Дело тут, конечно, не столько в суде, сколько в общей атмосфере уважения, любви к человеку. Я хочу, чтобы ребёнок ничто не раздражало, как это часто бывает в обычной «зоновской» школе – от окриков училки до туалета, где ты сидишь на толчке, как петух, а все на тебя смотрят. И постоянный страх перед выговором. Я понимаю, что когда пацан колотит окно директора, то у него какая-то проблема, которую он не может выразить, и всё зло видит во мне. Но зато теперь я знаю, что кому-то плохо, и должен понять, кому и почему. Поэтому меня очень интересует, чего боятся ученики и их родители: ведь я всё время связан школьными страхами. Как я могу экспериментировать, если родители говорят: да, мальчик выпустил прекрасную книжку стихов, а в сочинении, между прочим, у него четыре ошибки. Не поступит в институт, пойдёт в армию, погибнет...

У учеников страхов ещё больше. Парню поставили двойку, а рядом девчонка, к которой он равнодушен, рядом приятели, которые и так считают его слабаком. И ещё он переживает, что он такой нескладный: уши не такие. Девчонки моят себя голодом, чтобы фигура была соответствующая. И все постоянно себя сравнивают: я такой же, как все? А тут ещё родители наваливаются: почему не можешь учиться так, как твой сосед? Парень не показывает виду,

а за руку возьмёшь (я здороваюсь за руку) – она холодная. Чего-то боится. Чего? Бурчит: да ничего... А потом разговорится и что-нибудь расскажет. Да чего там говорить, ребенок идёт на улицу и не знает, какая компания выйдет из-за угла, не наорут ли в автобусе за то, что громко разговаривает. Ведь в нашей стране отношение к детям – ужасное, хоть русские и любят своих детей безумно. Но почему-то считают, что их надо воспитывать и приставать по каждому поводу. Или вообще не обращают внимания. Только и интересуется: как учишься? что получил? Если бы взрослых так же воспитывали, мы бы из депрессии не выходили. Я чувствую у детей эти страхи и, может, оттого ещё больше их люблю.

– «Школа самоопределения» – что это такое?

– Однажды меня спросили на каком-то учёном совете: сколько у вас за последние годы вышло самоопределившихся личностей? Я ответил: а во сколько лет, вы думаете, определился Лев Толстой? В последний год жизни... Школа лишь создает условия, позволяющие человеку лучше понимать самого себя, свои сильные и слабые стороны, а сумеет ли он сделать то же, что и Лев Толстой, – я за это, честно говоря, не отвечаю. И я принципиальный противник тех школ, что заранее рисуют какие-то модели личности, а потом измеряют, соответствует или нет. Мы никогда не познаем человека до конца, и личность измерить нельзя. Никакие стандарты, тесты, единые экзамены тут не помогут. Вот школьник ответил тебе сейчас про какой-нибудь ланцетник, а через два дня выкинул его из головы навсегда. Недаром наш президент возмутился, когда не смог ничего вспомнить про ланцетника: зачем шестиклассникам забивают голову всякой ерундой? Если уж в школе что-то и мерить, так это условия жизни: кричат ли здесь на детей? Привлекают ли ребят к обсуждению проблем образования? Интересуются ли, как сделать так, чтобы ты понял? Помогают ли составить индивидуальный учебный план?

Сегодня у нас был день школьных законов, и мы каждому вручали пятый выпуск книги «Имею право», которую написали и издали сами ребята. В этой книжке – наша школьная конституция, права и обязанности граждан НПО «Школа самоопределения». И закон о самоуправлении, и положение о школьном кафе... много всего. Меня не раз спрашивали: а почему у вашего ученика десять прав, а у учителя – семь? Я говорю: во-первых, потому, что школа существует для учеников, а не для учителей. Во-вторых, потому, что ученик не равен учителю только в одном – в жизненном опыте. Поэтому ему надо давать фору. И в школьном совете учеников больше, чем учителей.

– Только опыта меньше? А знания вы ни во что не ставите?

– Вслед за Джоном Дьюи, великим американским педагогом, я считаю, что образование есть только опыт, и больше ничего. Знания или потребность в них появятся у человека только тогда, когда он попробует что-то сделать. В современной школе ничто не требует знания. Школьнику говорят: учишься, чтобы поступить в институт! Или: пригодится в жизни! Но 90 процентов того, чему учат в школе, никому не пригодится. Поэтому мы и выпускаем книжки, что это – опыт: исследования, редактирования, полиграфии. На уроках биологии едем в костромские леса и там изучаем реальный лес и делаем доклады. А историю познаем, играя в древних славян. Целую неделю живём, как настоящее племя: и капища ставим, и песни поём. А ещё у нас около двух десятков мастерских – от батика и мягкой игрушки до слесарных работ. Каждые полгода можешь поменять мастерскую – скажем, осваивать вышивку или делать картины из слоёного теста.

Мы никогда не учим, к примеру, слесарному делу. Сначала надо решить, что за вещь должна получиться, а уж в процессе изготовления ребенок научится чему надо. Человек прежде всего должен получать удовлетворение от работы, но это невозможно делать только в классе, потому что есть успешные ребята, а есть неуспешные. Установлено, что лишь каждый десятый стремится к знаниям по учебнику, остальные же познают мир другим способом. И в нашей школе это учитывают.

– Вы, наверно, тоже учите тому, что не пригодится?

– Стараемся этого не делать, несмотря на то, что ученые пока даже не пытаются понять, что же это такое – общее образование. Раньше думали, что это-де основы наук, из каждой понемножку. Потом поняли, что если и основы, то из позапрошлого века. Переключились на основы культуры – запутались еще больше. Теперь говорят: давайте больше времени уделять не знаниям, а умениям. Хорошо, но умение доказывать теорему ещё не означает умения пользоваться доказательствами в жизни. Умение написать сочинение о литературном герое – это ещё не умение выразить мир своих чувств в письменном слове. Жуть берет, когда читаешь в интернете образцы «эпистолярного жанра»... Школа не научила. Она тратила время на изучение правил, на пересказ литературоведческих мнений. Что ты потом с этими знаниями будешь делать – никого не интересует. Это все отрывки школы, живущей по законам зоны. Она построена по авторитарным законам и во многом отвечает за то, что когда наступило время свободы, то многие не смогли сориентироваться в новых условиях, проявить гибкость. Ведь людей до сих пор учат повторять один-единственный правильный ответ.

Я помню, когда-то был председателем экзаменационной комиссии. Одна девочка бодро рассказывала мне о конверторе Бессемера, в котором варят сталь, исписала доску формулами. Я ей говорю: можешь мне, грешному, который ничего этого не понимает, в двух словах объяснить, как это всё работает? Она залилась слезами: зачем, мол, вы меня засыпаете? Это пример бездарности школьного преподавания, когда зазубривают, не понимая смысла.

Мы учим по-другому. Например, умению не только читать, но и понимать прочитанное, увидеть там основную концепцию и выделить важное для себя. Или умению работать в группе, формировать её и находить в ней своё место. Или умению схематизировать любой текст, любое явление, потому что это упрощает понимание. Учим умению не только получать информацию, в которой можно утонуть, но и осмысливать её, умению выбирать, сопоставлять, принимать решения. У нас не бывает обычных уроков, а бывают «погружения». Скажем, на основах государства и права ребята сначала пишут, как они понимают свои права. Потом идут на улицу и спрашивают об этом людей. Потом идет общая дискуссия. И только после этого мы читаем «Всеобщую декларацию прав человека». Причём мне совершенно не надо, чтобы её учили. Мне надо, чтобы у каждого было своё, личное отношение к этой важнейшей проблеме.

Беседовали мы недавно на эту тему со студентами Института государственного управления. Спрашиваю: будете чиновниками – как будете защищать права человека? А они говорят: мол, мы не по этой части – мы отвечаем не за чьи-то права, а за выполнение инструкций вышестоящего начальства. Вот школа и должна ломать такие представления.

– Вы так рассуждаете, будто чиновники не имеют к вам отношения. Разве школьная программа для вас не обязательна?

– По закону об образовании программы вообще существуют только примерные, и каждая школа может предложить свою. А когда спрашивают, почему у меня в школе не ставят отметок и ничего мне за это не делают, я говорю: потому что знаю законы лучше чиновников. В том же законе написано, что систему оценок школа разрабатывает самостоятельно (это, конечно, не касается выпускных классов). Все промежуточные оценки – это наше дело. В конце концов мне одна чиновница сказала: Александр Наумович, что вы всё – закон, закон... А я ещё в начале перестройки дал себе слово, что буду помогать создавать правовое государство – тем более что я преподаватель основ государства и права. И не могу врать ребятам своим поведением. Сильных неприятностей от этого, замечу, не случается. Я давно понял, что когда с людьми, которые на тебя нажимают, говоришь языком права, как свободный человек, то тебя начинают уважать. И хоть государство наше пока не правовое, это срабатывает хотя бы психологически: мол, надо же – законы знает, с этим надо поосторожнее.

– Если нет отметок, как оценить, с пользой ли человек провёл время в школе?

– Точно так же и родители недоумевают: как так – не ставят оценок? А если гости придут, спросят, как учишься? Ребенок отвечает: пусть они лучше спросят, что я умею. Так ведь не спрашивают!

У меня такая модель: до 8-го класса даём качественные характеристики, начиная от выставки личных достижений до самооценок. Могут быть и письменные пожелания учителей, где начинают всегда с хорошего. Вторая часть – то, что на Западе называют «портфолио», – всё твоё творчество, чем можешь гордиться – собственное исследование, книжка, прибор. Покажи это какой хочешь комиссии – она оценит.

– Но комиссии больше интересуются совсем другими вещами.

– Те универсальные умения, которые мы даём, позволяют человеку подготовиться к любому экзамену. Правда, с боязливymi родителями приходится идти и на компромисс: в 11-м классе, во втором полугодии, ребята занимаются только теми предметами, которые будут на вступительных экзаменах. Но зато все предыдущие годы мы спокойно учим совсем другому.

– Многие выпускники вашей «Школы самоопределения» попадут в армию, в руки сержанта совсем другой, будановской школы. И чем, по-вашему, это кончится?

– Мы специально интересовались, как складываются судьбы выпускников. Никаких сложностей с адаптацией у них нет. Кто-то приспосабливается (не забывайте, что кроме школы есть ещё и семья). Но многие умело преобразовывают среду вокруг себя – конечно, там, где могут и как могут. Так часто бывает, например, в вузах. Ребята создают студенческие советы, беседуют с профессорами, деканом, отстаивая свои интересы, потому что в школе их этому научили. Что же касается армии, то в ней служат питомцы российской школы. И если бы не было школ, живущих по законам зоны, не было бы в армии и будановых.

Я, конечно, не идеалист и знаю, что дети часто бывают злы, несправедливы, агрессивны. Но это же дети, а детство связано с ошибками, с грубостью, эгоизмом. Однако это полноценный период, и надо помочь детям прожить его нормально.

Когда я слышу, как Никита защищает проектную работу по оптике и два часа не хочет отпускать комиссию – я думаю: разве я в 14 лет мог такое? Когда Аня перевела на английский язык сборник школьных законов, написала к нему вступительную статью и мы с ней ездили на конференцию в Совет Европы, я думаю, что мне подобное и не снилось в её годы. Растут наши дети... И нельзя нам отставать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.